

МАЙДАНЕК

ПЯТЫЙ РИМ

ЦЕНТР «ФОНД
ХОЛОКОСТ»

МОСКВА
2020

УДК 930
ББК 63.3(2)62
К 64

Составители:

К.А. Пахалюк (рук. коллектива), Л.А. Терушкин, М.Ю. Мязков, Р.Е. Жигун

Рецензенты:

*Ковалев Борис Николаевич, д.ист.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН;
Ермаков Александр Михайлович, д.ист.н., доцент, проректор по учебной работе
Ярославского государственного педагогического университета*

Оформление переплета М. Левыкина

К 64 Концентрационный лагерь Майданек. Исследования. Документы. Воспоминания / Под редакцией К.А. Пахалюка, Л.А. Терушкина. — М. : Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. — 496 с.

ISBN 978-5-6043327-7-1

150 тысяч узников, не менее 80 тысяч убитых — Майданек считался одним из наиболее ужасных и одновременно прибыльных концлагерей СС. Из пяти комендантов двое были расстреляны самими нацистами за коррупцию. Здесь массово убивали «Циклоном Б» евреев, эксплуатировали и доводили до смерти советских военнопленных, угнанных в рабство граждан разных стран, польских политических заключенных, даже создали женскую зону и детский лагерь. Некоторые вновь прибывшие узники всеми правдами и неправдами пытались после нескольких дней пребывания перевестись в Аушвиц (Освенцим), ибо не могли выдержать жутких условий содержания. Майданек оказался первым концлагерем СС, который освободили войска Антигитлеровской коалиции, но к сожалению, западное общественное мнение не обратило на него внимание.

В России о Майданеке слышали многие, но перед вами первая книга на русском языке, посвященная этому лагерю смерти. Впервые публикуются ключевые документы Польско-советской чрезвычайной комиссии, воспоминания выживших в нем узников, переводы с немецкого и польского языков.

Книга издана Российским военно-историческим обществом и Научно-просветительным Центром «Холокост».

УДК 930
ББК 63.3(2)62

© Российское военно-историческое общество, 2020
© Издательство «Пятый Рим»™, 2020
© ООО «Бестселлер», 2020

ISBN 978-5-6043327-7-1

От редакторов

Сборник, который Вы держите в руках, является очередным итогом сотрудничества Российского военно-исторического общества и Научно-просветительного Центра «Холокост». В прошлом году вышла наша совместная книга «Собибор: взгляд по обе стороны колючей проволоки», которая вобрала ряд ранее не публиковавшихся воспоминаний и исследований, посвященных этому лагерю смерти. Издание получило преимущественно позитивные отклики, а весь тираж достаточно быстро разошелся, что свидетельствует о том, что история нацистских концлагерей, преступлений нацизма и Холокоста потенциально интересна российскому обществу.

В этом году мы решили сосредоточить внимание на концлагере СС Люблин, более известном под неофициальным названием Майданек. На 2019 г. пришлось 75-летие со дня его освобождения силами Красной Армии (23 июля), но, к сожалению, этот «полулюбилей» остался практически незамеченным. Хотя речь идет о первом концлагере СС, в который вошли войска союзников и застали множество неоспоримых свидетельств нацистских преступлений. Благодаря советским фотографам, журналистам и кинооператорам весь мир мог заглянуть за колючую проволоку того учреждения, которое было местом не только содержания и эксплуатации тысяч европейцев, но и уничтожения евреев. Одно из федеральных изданий, правда, хотело подготовить обширный материал, посвященный Майданеку, однако затем отказалось. Журналист мотивировал это редакционной политикой: в период отпусков признано нецелесообразным писать на такую ужасную тему. Мы не можем солидаризироваться с таким подходом: несмотря на множество общих слов, в России еще недостаточно знают о том, что такое нацистские преступления, как они осуществлялись и почему это беспрецедентное насилие в мировой истории действительно заслуживает особого внимания. Как бы это ни звучало пафосно, но забвение — главный шаг на пути того, чтобы эти преступления могли быть повторены.

История концентрационного лагеря Люблин является весьма наглядной для понимания того, что такое нацистская политика

уничтожения. По отношению к различным группам населения нацистская система вырабатывала особую политику репрессий, которая варьировалась на протяжении времени и зависела от многих факторов, но прежде всего от этнической и национальной принадлежности будущих жертв. Эти различия, если говорить метафорически «при взгляде сверху», имеют существенное значение для понимания нацистской политики уничтожения как таковой. Однако «при взгляде снизу», т.е. на уровне историй отдельных жертв, зачастую невозможно одних отделить от других, общность страдания, по нашему убеждению, делает недостойным с этической точки зрения противопоставление одних групп другим или же выяснения, кто больше других страдал. Потому требуется предельная осторожность в выборе слов, образов, интерпретаций при публичном разговоре о преступлениях нацистов. В этом контексте история Майданека является показательной. Это был и лагерь для военнопленных, и концентрационный лагерь СС, и лагерь уничтожения еврейского населения. Здесь содержались и польские политические узники, и угнанное население с оккупированных территорий СССР. В конце 1942 г. тут создали отдельный женский лагерь, позднее пытались образовать и «детскую зону». С конца 1943 г. сюда свозили истощенных узников из других концлагерей. Заключение сдавали в трудовое рабство предприятиям, и в 1942 г. Майданек считался одним из наиболее прибыльных лагерей СС. В 1943 г. он несколько месяцев был одним из наиболее крупных по количеству зарегистрированных заключенных и при этом находился в «топе» по процентной доле умерших от тяжелых условий. Сохранились воспоминания нескольких узников, которые всеми правдами и неправдами после нескольких дней пребывания делали все, чтобы их перевели в Аушвиц (Освенцим).

Представляемый сборник содержит различные материалы, отобранные с двумя задачами: сформировать системное восприятие истории лагеря и ввести в научный оборот базовые источники. Вначале идет статья одного из редакторов, ее цель — представить комплексную историю концентрационного лагеря. Далее мы помещаем два свидетельства. Так, впервые на русском языке издаются воспоминания бежавшего из лагеря узника Д. Ленарда, хронологически первое свидетельство выжившего в Майданеке. Сегодня в зарубежной историографии оно явля-

ется одним из ключевых источников по политике Холокоста. Кроме того, в Государственном архиве Российской Федерации мы выявили воспоминания военного врача Сурена Константиновича Барутчева: на более чем 200 машинописных страницах разворачивается подробная история жизни лагеря в последний период его существования. Это, пожалуй, самое первое и при том достаточно объемное свидетельство, созданное узником уже после ликвидации лагеря.

Следующий блок посвящен публикации первых документальных фиксаций нацистских преступлений в Майданеке. В СССР основным источником информации было коммюнике Польско-советской чрезвычайной комиссии по расследованию немецких злодеяний на Майданеке в городе Люблин. Его заключительный текст достаточно широко известен, потому мы решили опубликовать один из черновиков, а также семь протоколов заседаний комиссии, на основании которых и было составлено это официальное сообщение. Данный комплекс источников дает возможность понять, каким образом происходили фиксация нацистских преступлений и сбор первичных данных о лагере.

Из зарубежной историографии мы выбрали статью польского судьи З. Лукашевича, которая оказалась первой попыткой на основе разнообразных источников пойти дальше в систематизации истории лагеря и критически оценить известные на тот момент сведения. В завершении мы публикуем статью российского историка Р.Е. Жигуна, которая затрагивает такую важную тему, как отражение истории концлагеря в документальном кинематографе. Сборник проиллюстрирован фотодокументами из Архива НПЦ «Холокост» и фондов Российского государственного архива кинофотодокументов.

В заключение мы хотели бы выразить признательность всем тем, кто помогал в работе над данным сборником. Прежде всего, мы должны поблагодарить главного специалиста ГАРФ Андрея Александровича Плеханова и специалиста 1-й категории Николая Вячеславовича Хрипушина за неоценимую помощь в работе с архивными документами. Также мы признательны директору Российского центра науки и культуры в Варшаве Игорю Игоревичу Жуковскому, который оказал содействие в переводе статьи З. Лукашевича и поиске дополнительной информации в польских источниках. В текстах воспоминаний и документах упоминает-

ся множество польских узников, без оперативного содействия Государственного музея Майданека и его сотрудников Лукаша Мышалы и Марты Груджинской мы вряд ли смогли бы составить комментарии в том объеме, который есть сейчас. Мы благодарны историку Илье Ароновичу Серебро, который также помогал работе с информацией в польском сегменте Интернета. Ценные замечания были высказаны официальными рецензентами Борисом Николаевичем Ковалевым и Александром Михайловичем Ермаковым. Отдельные слова благодарности мы должны сказать потомкам Сурена Константиновича Барутчева, его дочери Карине Суреновне Соловьевой и внучке Анне Михайловне Соловьевой за поддержку и помощь с семейными источниками, благодаря которым удалось восстановить важную информацию о создании публикуемых воспоминаний. И, естественно, мы не можем обойти вниманием и тех, кто содействовал в работе над книгой и ценными советами помогал сделать ее как можно лучше: Марию Гилеву, Татьяну Радайкину, Дениса Шполянского, Артура Приймака, Анну Волькович, Вадима Алцкана (США), Арона Шнеера (Израиль), Вадима Гасанова, Дмитрия Пантьо (Польша), Хуберта Куберски (Польша) и Эрну Сарвилину.

Пахалюк К.А., Терушкин Л.А.

Пахалюк К.А.

**КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ
ЛАГЕРЬ
ЛЮБЛИН (МАЙДАНЕК):
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ**

О нацистских преступлениях написаны многие тысячи научных исследований, и даже краткая систематизация ключевых работ, наверное, потребовала бы отдельной монографии. В России доминирующая политика памяти особое внимание уделяет решающему вкладу Советского Союза в победу над нацистской Германией и ее союзниками, а неотъемлемой частью образа советского солдата-освободителя является объяснение, от чего именно он освободил свою страну и значительное количество народов зарубежной Европы¹. Существующий канон повествования о преступлениях нацистов наряду с блокадой Ленинграда, истязанием военнопленных, уничтожением мирных жителей (Хатынь как символ тысяч сожженных деревень) включает ужасы таких различных лагерей, как Аушвиц (Освенцим), Дахау, Саласпилс, Равенсбрюк, Бухенвальд, Собибор и Майданек. Хотя все эти названия прочно вошли в публичный дискурс, в отечественной исторической науке этим лагерям не уделяли должного внимания до последнего времени². Скорее наоборот, за рядом исключений (Аушвиц, Собибор)

---

¹ Характерно название переизданной несколько раз за последние 10 лет научно-популярной монографии директора фонда «Историческая память» А.Р. Дюкова, посвященная теме нацистских преступлений: Дюков А.Р. За что сражались советские люди. СПб, 2019.

² Наиболее изученным оказался Собибор, ввиду той роли, которую сыграли советские военнопленные в организации восстания 14 октября 1943 г. См.: Собибор. Восстание в лагере смерти / Сост. С. Виленский, Г. Горбовицкий, Л. Терушкин. М., 2010; Макарова Ю.Б., Эдельштейн М.Ю., Могилевский К.И. Собибор: хроника восстания в лагере смерти: (книга-альбом). М., 2018; Собибор: взгляд по обе стороны колючей проволоки / под ред. Л.А. Терушкина, К.А. Пахалюка. М., 2018; Симкин Л.С. Собибор. Послесловие. М., 2019. О других лагерях см.: Полян П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М., 2010; Полян П.М. Жизнь и смерть в аушвицком аду. М., 2018; Аристов С.В. Жизнь вопреки: стратегии выживания в нацистском женском концлагере Ра-

существует острый недостаток исследований, равным образом многие работы зарубежных коллег остаются непереуведенными на русский язык.

Концентрационный лагерь СС Люблин, более известный как Майданек — подобная историографическая лакуна. В советское время он превратился в один из символов нацистских преступлений, однако отдельные систематизированные исследования 1960–1970-х гг. были переводом работ сотрудников польского мемориального музея¹. Главным источником оставалось официальное коммюнике, подготовленное по горячим следам в августе 1944 г. Польско-советской чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в Люблине. И в этом нет ничего удивительного. Та же Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков собрала немалое количество документов и свидетельств, но они так и не были изданы, хотя, например, один из ответственных ее сотрудников, начальник отдела по учету злодеяний Р.Н. Никитин в 1947 г. предлагал издать имеющиеся материалы, в т.ч. и по Майданеку². Только в 1990 г. отдельные выдержки из протоколов допросов без указания источника были опубликованы на страницах «Военно-исторического журнала»³. Современные российские авторы обращались к Майданеку эпизодически и только в контексте изучения других тем: трагедия советских военнопленных, коллаборационизм, отчасти Холокост, история нацистских преступлений и концлагерей в целом, послевоенное преследование нацистских

венсбрюк (1939–1945 гг.): исследование и свидетельства. М., 2018; Ерин М. Е., Хольный Г. Л. Трагедия советских военнопленных. История шталага 326 (VI К) Зенне, 1941–1945 гг. Ярославль, 2000; Алексеев Ю.В. Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти: (1941–1944). М., 2011; Колотуша В.И. «Лагерь содержания неизвестен... Место захоронения — Wlodomierz». М., 2018. Тема гетто на оккупированной территории СССР была подробно рассмотрена: Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002.

¹ Муравска-Грынъ З., Грынъ Э. Концентрационный лагерь Майданек. Люблин, [1976]; Грынъ Э., Муравска З. Майданек концентрационный лагерь. Люблин, 1966.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р7021. Оп. 149. Д. 169. Л. 49.

³ Обнаженный фашизм / Публ. В.А. Бобренева // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 47–51.

преступников¹. Самой значимой документальной публикацией стал 10 том 12-томника «Великая Отечественная война. 1941-1945», полностью посвященный освобождению нацистских лагерей. Целый раздел был отведен Майданеку². Поэтому в нашей вводной статье мы собираемся представить системное описание истории этого концентрационного лагеря как одной из институций, созданных нацистами для эксплуатации рабской рабочей силы и уничтожения «ненужного» населения.

КОНЦЛАГЕРЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Система концентрационных лагерей СС стала формироваться в первые месяцы после прихода нацистов к власти: за несколько лет был пройден путь от спорадических мест содержания политически и расово неугодных граждан до концлагеря как одного из ключевых механизмов государственного управления. Несомненно, ключевую роль здесь сыграл рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, политическое восхождение которого во многом связано с продвижением этой управленческой «инновации». «Консервативная революция» (в таких терминах нацисты описывали события января-февраля 1933 г.) не могла быть успешной без подчинения государственных структур партии и формирования параллельной системы институтов насилия³, члены которых будут верны

---

¹ См., напр.: Симиндей В.В. Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М., 2015. С. 289; Полян П. Жизнь и смерть в аушвицком аду...; Шнеер А. Профессия — смерть. М., 2019; Трагедия Литвы: 1941-1944 годы: сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй Мировой войны. М., 2006; Ерин М.Г. Советские военнопленные в нацистской Германии, 1941-1945 гг. Ярославль, 2005; Грачев В.В. Без срока давности. М., 2004; Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 120.

² Великая Отечественная война. 1941-1945. Документы и материалы. Том X. Освобождение Красной армией нацистских «лагерей смерти» / ред. колл. Н.А. Панков, В. Золотарев и др., сост. А.М. Соколов, И.А. Пермяков и др. М., 2017.

³ В данном случае мы отталкиваемся от концепции М. Вебера, согласно которому одним из ключевых признаков государства является право на легитимное насилие, которое проявляется в наличии таких институтов, как армия и полиция.

исключительно политическому руководству. Именно так СС из военизированной партийной организации превратилась в опору тоталитарного государства.

На протяжении недолгой истории нацистского правления назначение концлагерей менялось. Изначально они использовались для проведения политического террора против оппозиции, прежде всего коммунистов и социал-демократов. Со второй половины 1930-х гг. добавилась функция перевоспитания через труд (под лозунгом построения «идеального тела» нации, очищенного от «вредных элементов»), что привело к пополнению лагерей уголовниками и асоциальными личностями. Под последними понимали социальных аутсайдеров: от проституток до бездомных, которых хватало в т.ч. и во время специальных кампаний гестапо. Как заявил Г. Гиммлер по радио 29 января 1939 г.: «Лозунг, начертанный над входом в эти лагеря: путь к свободе существует. Его этапы: повиновение, усердие, честность, аккуратность, чистота, умеренность, правдивость, готовность к жертвоприношению и любовь к отечеству»¹. Также репрессии были направлены против гомосексуалистов и Свидетелей Иеговы, последние, впрочем, могли немедленно получить свободу в случае отказа от веры. Только одной категории граждан с самого начала отказывали в праве жить: лицам с психическими отклонениями, наследственными заболеваниями и пр. В 1939 г. тайно была начата «программа T-4», в ходе которой за два года убили от 70 тыс. до 90 тыс. немцев, способных, по мнению нацистов, нанести урон генофонду. Сначала их лишали жизни инъекцией, а вскоре — для быстроты — стали использовать газ.

Если говорить об антисемитской политике, то вплоть до начала войны евреи не были основными заключенными в концлагерях. В 1933–1938 гг. использовались такие методы, как пропагандистские кампании, поражение в правах, введение административных барьеров, т.е. последовательное политическое, юридическое и социальное исключение из общества. До 1938 г. доля евреев среди узников концлагерей варьировалась между 5–10%, хотя они составляли 1% жителей Германии². Уровень смертности у этой категории заключенных был выше, чем у остальных. Только после аншлюса Австрии начались первые кампании по поимке евреев

¹ Вахсман Н. История нацистских концлагерей. М., 2018. С. 101.

² Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 19.

как «нежелательных элементов»; их, как правило, отправляли в Дахау и Бухенвальд. С марта по июнь 1938 г. численность еврейских узников увеличилась в 10 раз и составила 4 600 человек. Все изменилось после массовых погромов Хрустальной ночи (с 9 на 10 ноября 1938 г.), после которой нацисты бросили в концлагеря до 40 тыс. евреев с тем, чтобы путем террора заставить их отказаться от собственности и эмигрировать. В течение полугода практически все они были выпущены на свободу.

По мере увеличения количества узников стали зарождаться идеи их экономической эксплуатации в интересах государства и прежде всего СС, которая силовой ресурс решила конвертировать в создание бизнес-империи. В первые годы заключенных отправляли для работ вне мест заключения (строительство дорог, дренажных систем, уборка урожая и пр.), однако подобные проекты не были систематическими, и только в Дахау имелись постоянные мастерские. Шаг вперед сделал бригаефюрер СС Освальд Поль, который в 1937–1938 гг. сумел договориться с архитектором Альбертом Шпеером, руководившим масштабным проектом по перестройке немецких городов: теперь СС должна была поставлять строительные материалы, для чего учредили крупнейшую эсэсовскую компанию «Германские земляные и каменные работы (сокращенно DEST). Затем последовало строительство двух кирпичных заводов около Бухенвальда и Заксенхаузена, а концлагеря Флоссенбург и Маутхаузен были основаны около каменоломен. Впрочем, экономически все эти предприятия вряд ли можно назвать успешными.

Параллельно происходило развитие лагерной системы. Еще в марте 1933 г. под Мюнхеном был создан концлагерь Дахау, в конце июня его комендантом стал Теодор Эйке, который провел организационные реформы и создал ту модель концлагеря, которая позднее стала с отдельными изменениями воспроизводиться повсеместно. В 1934 г. он стал во главе только что созданной в СС Инспекции концентрационных лагерей (ИКЛ). А в 1935 г. Г. Гиммлер получил окончательное одобрение фюрера на их развитие. Осенью того же года было принято решение о финансировании концлагерей за счет бюджета рейха и средств, выделяемыми землями (регионами)¹. В 1936 г. был основан Заксенхаузен, в 1937 г. — Бу-

---

¹ Вахсман Н. Указ. соч. С. 91–97.

хенвальд, в 1938 г., как упоминалось, — Флоссенбюрг и Маутхаузен, тогда же началось строительство Равенсбрюка (где содержали в основном женщин). Общее количество сотрудников системы концлагерей составляло 22 тыс. человек¹.

Ситуация резко изменилась с началом Второй мировой войны. Нацисты действительно верили, что поражение 1918 г. стало результатом неустойчивости тыла («удар ножом в спину» со стороны евреев и коммунистов), а потому собирались учесть «уроки прошлого». Уже 27 сентября 1939 г. репрессивные ведомства были консолидированы: в рамках СС образовали Главное управление имперской безопасности (РСХА) во главе с Рейнхардом Гейдрихом, а в концлагеря стали отправлять тех жителей Германии, которых считали потенциальным предателем. После успешных военных кампаний 1939–1940 гг. и оккупации Польши, Бельгии, Голландии и Франции нацисты столкнулись с проблемой враждебного населения. Один из ответов — политические репрессии в виде бессрочного заключения тысяч людей в концлагеря. Около Гамбурга создали Нойенгамме, в присоединенном Эльзасе — Нацвейлер-Штрутгоф, в Верхней Силезии — Гросс-Розен, около Кракова (столица образованного Генерал-губернаторства, куда вошла значительная часть польских территорий) — Аушвиц. Наиболее жестко оккупанты действовали против поляков, поставив целью истребить их политическую и культурную элиту. Параллельно на территории оккупированной Польши в 1939–1940 гг. немцы начинают массово создавать гетто для местных евреев (порядка 1,5 млн оказались под властью Рейха)².

Концлагерная инфраструктура с трудом выдерживала подобный наплыв заключенных. Потому уже к 1941 г. нацисты столкнулись с проблемой переполненности, которая вела к распространению болезней и, ввиду скудного питания и тяжелых условий, росту числа ослабевших людей. Решение нашли самое простое: селекция узников и последующее умерщвление тех, кто не мог трудиться и лишь потреблял ресурсы. Кого-то расстреливали на месте, другим делали смертельные инъекции, третьих отправляли в центры эвтаназии и там травили газом. Программа ликвидации называлась «14f13», а ее активными участниками стали врачи, задействованные в «Т-4».

¹ Леви Г. Указ. соч. С. 16.

² Kuwalek R. Death camp in Belzec. Lublin, 2016. P. 15.

Отметим, что рост системы концлагерей продолжался на протяжении всей войны. К 1945 г. количество сотрудников превысило 40 тыс. человек. Если мы хотим хотя бы примерно очертить масштаб созданной системы террора и уничтожения, то должны добавить членов айнзацгрупп (до 3 тыс.)¹, отрядов «Мертвая голова» (около 22 тыс.), полицейских батальонов (15 тыс.), а также вовлеченных в карательные акции военнослужащих Вермахта, которых сложно подсчитать². Тем самым не менее 90 тыс. немцев (без учета союзников Германии и коллаборационистов) обеспечивали репрессивную политику нацистского государства, и это не считая различного рода пропагандистов, бизнесменов, чиновников, юристов, которые в той или иной степени также были причастны к ней. Вся эта система работала с ужасающей эффективностью ввиду взращённой пропагандой убежденности в необходимости бороться против «врагов отечества» и «недочеловеков»; изолированного разделения ответственности, когда уже после войны многие позволяли себе спокойно заявлять «Но я же лично никого не убивал»; специальных практик, позволяющих сплачивать дисциплину и выстраивать дистанцию по отношению к жертве, не воспринимаемой более в качестве человеческого существа. Не только нацистские фанатики, но и во многом карьеристы и простые граждане, отказавшиеся от собственного морального суждения относительно совершаемых поступков, стали основными винтиками этой машины³. И Майданек был одним из ее элементов.

СОЗДАНИЕ КОНЦЛАГЕРЯ МАЙДАНЕК В КОНТЕКСТЕ НАЦИСТСКОЙ «ВОЙНЫ НА УНИЧТОЖЕНИЕ» ПРОТИВ СССР

При подготовке нападения на СССР нацисты решили не только учесть опыт репрессивной политики, но и масштабно ужесточить репрессии. Во избежание недопонимания между Вермахтом и эс-эсовцами 13 марта 1941 г. была подписана «Инструкция об особых

---

¹ MacLean F. The Field men. The SS Officers Who Led the Einsatzkommandos — the Nazi Mobile Killing Units. Atglen, 1999. P. 13–30.

² Леви Г. Указ. соч. С. 176–177.

³ См.: Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013; Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2014; Манн М. Темная сторона демократии. М., 2016. С. 329–425.

областях», согласно которой Г. Гиммлер получал полномочия по политическому устройству новых территорий, а части Вермахта должны были оказывать содействие СС. Спустя примерно две недели, 30 марта, на совещании с генералами Адольф Гитлер призвал рассматривать войну против СССР как расовую и идеологическую, как превентивный удар по коммунизму (большевизму). Поэтому на красноармейцев не должны были распространяться принципы «солдатского товарищества», а комиссары и значительная часть управленческих кадров подлежали уничтожению. Политическая воля нашла выражение в ряде конкретных приказов: 23 мая фельдмаршал Вильгельм Кейтель (глава Верховного командования Вермахта) утвердил директиву о поведении войск в России, которая предписывала подавлять любое сопротивление; 6 июня вышел печально известный «Приказ о комиссарах»; в ночь перед нападением на СССР в частях зачитывался приказ «О ведении военного судопроизводства и особых действиях войск», который фактически делал допустимым уничтожение мирного населения, если оно оказывало малейшее сопротивление. Все это находило отражение и в более частных распоряжениях. Еще в марте начальник управления по делам военнопленных Г. Рейнеке инструктировал подчиненных: в обращении с красноармейцами нельзя проявлять мягкотелость, их положение должно быть хуже, нежели французов или англичан (например, в питании по жирам русские получали 42% нормы других европейцев, а по мясу — 0%)¹. В известном приказе фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау от 13 ноября 1941 г. необходимость разгрома большевистской системы и искоренения «азиатского влияния на европейскую культуру» оправдывала жестокость к мирному населению и военнопленным. Впрочем, здесь же мы сталкиваемся с нарастающим страхом сопротивления в тылу, принимающего параноидальные формы («пленные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются на походных немецких кухнях»²).

Вслед за войсками двигались четыре специально созданные айнцагруппы (А, В, С, D). Их задача заключалась в обеспечении тыла войск, что понималось весьма широко. Именно они начали

¹ Дюков А. Р. Указ. соч. С. 83-85.

² ГАРФ. Р7021. Оп. 148. Д. 10. Л. 1.

массовые расстрелы мирного населения, прежде всего евреев. Только за 1941–1942 гг. айнцацгруппы уничтожили 1 млн. человек, около 640 тыс. из которых был евреями¹. Содействие в акциях оказывали 24 полицейских резервных батальона и различные коллаборационистские формирования². Первые месяцы в Восточной Галиции (Западная Украина) действовала айнцацкоманда особого назначения. Славянские народы Восточной Европы первоначально не были объектом такой же политики геноцида, как евреи, однако причины этого лежат не только в хитросплетениях «расовых теорий», но и в более последовательном стремлении использовать их в качестве рабской рабочей силы, что вполне допускало возможность дальнейшего частичного уничтожения. Еще в марте 1941 г., как позднее свидетельствовал обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевски, А. Гитлер высказывался за уничтожение 30 миллионов человек на территории СССР. Позднее фельдмаршал Герд фон Рундштедт говорил об истреблении трети населения³.

Победа над СССР должна была принести «расширение жизненного пространства». А. Гитлер грезил о масштабной колонизации Восточной Европы в виде многочисленных германских поселений, связанных густой сетью железных и автомобильных дорог. Оставшихся местных жителей-славян предполагалось использовать в качестве дешевой рабочей силы. Одновременно германизации должно было подвергнуться Генерал-губернаторство, а более 20 млн поляков — выселению на восток⁴. 10 сентября 1941 г. во время одной из застольных бесед фюрер сказал: «При заселении русского пространства мы должны обеспечить “имперских крестьян” необычайно роскошным жильем. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях — губернаторских дворцах <...> Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы»⁵.

Первоочередную экономическую задачу кампании определил рейхсмаршал Герман Геринг в серии директив, известных как

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 17.

² Леви Г. Указ. соч. С. 58, 75.

³ Дюков А. Указ. соч. С. 73–74.

⁴ Mailaender E. Female SS Guards and Workday Violence. The Majdanek Concentration Camp. 1942–1944. Michigan State University, 2015. P. 26.

⁵ Цит. по: Шнеер А. Указ. соч. С. 188.

«Зеленая папка»: «Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — таковая главная экономическая цель кампании». Отсюда внимание уделялось и развитию соответствующей транспортной инфраструктуры для выкачивания ресурсов¹. Разработкой проектов среди прочих ведомств занималась и СС, причем вовсе не собираясь вписываться в политику, обозначенную Г. Герингом. Г. Гиммлер стремился наращивать собственное влияние, в т.ч. в области экономики. Он обратил взгляд на сотни тысяч советских военнопленных, которые стали рисоваться в качестве бесплатного рабочего ресурса. Тем более что уничтожение «политически опасных» военнослужащих, если они не были ликвидированы сразу же на фронте, происходило в концлагерях СС (наиболее активно — в Заксенхаузене), дабы не провоцировать остальных на отчаянное сопротивление. В истории эта политика известна как «программа 14f14». В сентябре СС достигла соглашения с ОКХ (Верховным командованием сухопутных сил Вермахта) о передаче 325 тыс. советских военнопленных. Однако реальная подготовительная работа по их приему началась ранее. Естественно, это требовало расширения сети концентрационных лагерей.

В частности, 17 июля 1941 г. Г. Гиммлер расширил полномочия главы СС и полиции в Люблинском округе бригадефюрера СС Одило Глобчника: теперь он стал ответственным за создание баз СС на новых восточных территориях. Эта идея, подпитываемая надеждами на скорейшую военную победу, настолько овладела умами высокопоставленных эсэсовцев, что на время затмила возможности более прагматичного сотрудничества с военными предприятиями². Спустя три дня рейхсфюрер посетил Люблин и отдал распоряжение о создании здесь тыловой базы СС, включающей оружейные и текстильные заводы, а также военный городок. Соответственно, для обеспечения их трудовыми ресурсами создавался концлагерь на 25–50 тыс. человек, который в дальнейшем «получил имя» Майданек — по названию прилегающего пригорода Майдан Татарски³. После победы над СССР эти заключенные должны были бы возводить те грандиозные постройки, о которых мечтал А. Гитлер. Равнинная местность, железная дорога в нескольких

¹ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 148. Д. 14. Л. 44.

² Buggeln M. *Slave Labor in Nazi Concentration Camps*. Oxford, 2014. P. 14.

³ Вахсман Н. Указ. соч. С. 271.

километрах, шоссе на Львов, близость таких люблинских районов, как Майдан Татарски и Броновице — все это определило выбор конкретного местоположения. Стоит особо подчеркнуть, что тогда речь шла не просто об учреждении еще одного концентрационного лагеря, а о воплощении очередной фантазии Г. Гимmlера: эсэсовского поселения, символизирующего «новый порядок». Члены «черного ордена» должны были жить здесь вместе с семьями, а многочисленные рабы, используемые на различных предприятиях, — обеспечивать их всем необходимым. Причем речь шла о том, что не только Люблин, но и Аушвиц, и Данциг (концлагерь Штуттоф) станут теми городами, около которых начнется невиданный строительный эксперимент¹.

Люблин был не просто одним из административных центров Генерал-губернаторства, он играл значимую роль в германской репрессивной политике. Символично, что речь идет о городе, где на протяжении многих веков существовала развитая еврейская община численностью в 1939 г. почти 40 тыс. человек, что составляло треть населения. Всего в округе проживали 300 тыс. евреев (к концу 1942 г. их осталось только 20 тыс.). В конце 1939 г., т.е. сразу после оккупации, из Богемии и Моравии, а также западной Польши сюда вывезли около 20 тыс. евреев, которых планировали поселить в районе Ниско, создав компактную резервацию. Вскоре от этих планов ввиду организационных сложностей отказались². В самом конце 1939 г. на Липовой улице, 7 появился концлагерь для военнопленных польской армии, преимущественно евреев³. Их эксплуатировали на различных предприятиях. С началом войны против СССР район Люблина стал превращаться в один из ключевых центров политики уничтожения. Еще в период подготовки к нападению 24 марта 1941 г. здесь создали 35-тысячное Люблинское гетто (одно из 90 в этом округе)⁴. В августе появился шталаг № 301 для советских военнопленных. Примерно в это же время в местечке Травники разместился учебный лагерь СС, где колла-

---

¹ Allen M. The business of Genocide: the SS, slave labor, and the concentration camps. Chapel Hill, London, 2002. P. 140.

² Гутман И., Галиль Н. Катастрофа и память о ней. Иерусалим, [б.д.] С. 55.

³ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4 / отв. ред. А.Я. Сухарев. М., 1990. С. 115.

⁴ Гжесик Ю. История евреев в свете ветхо- и новозаветных пророчеств. М., 2005. С. 147.

борационисты из числа пленных красноармейцев обучались основам караульной службы. Выпускным экзаменом было убийство еврея из располагавшегося рядом трудового лагеря. В дальнейшем травниковцы несли караульную службу, в т.ч. в Майданеке, участвовали в карательных операциях и реквизициях у польских крестьян. Хотя выпускниками учебного лагеря были представители разных этнических групп, численно доминировали украинцы, а потому в воспоминаниях выживших узников можно встретить упоминания «украинских охранников»¹.

Первоначальным источником «управленческих кадров» для Майданека стал Бухенвальд. 1 сентября 1941 г. Инспекция концлагерей распорядилась перевести оттуда в Люблин некоторых охранников. В середине месяца комендантом стал штандартен-фюрер СС Карл Отто Кох (звание соответствует полковнику Вермахта). Выходец из семьи чиновника, он был участником Первой мировой, получил три ранения и попал в британский плен. После освобождения не смог устроиться в мирной жизни, а в 1928 г., будучи бухгалтером, даже получил условный срок за растрату. Герой войны и социальный аутсайдер, К.О. Кох в 1931 г. вступил в нацистскую партию, что вскоре оказало решающую роль в стремительной карьере. В конце 1934 г. он стал адъютантом упомянутого Т. Эйке, который входил в ближнее окружение Г. Гиммлера. В 1937 г. К.О. Кох был назначен комендантом Бухенвальда, где установил систему жестокого террора. Так, после неудачного покушения на А. Гитлера 8 ноября 1939 г. К.О. Кох распорядился в ответ убить 21 еврейского заключенного². Именно он приказал в августе 1941 г. из татуированной кожи заключенных сделать абажур для ламп к своему дню рождения, даже по меркам СС это было предельным поступком. Его жена Ильза получила прозвище «ведьмы Бухенвальда» за крайне жестокое отношение к узникам. Все это насилие сопровождалось коррупцией, в которую были вовлечены не только заключенные, но и коллеги из других концлагерей (например, коменданты Нацвейлера, Герцогенбуша и Гросс-Розена), а племянник занимался нелегальной продажей спирта и сигарет в Голландию. Столкновение с руководителем СС и полиции в Веймаре принцем Й. Вальдек-Пирмонтом чуть ли не привело к падению

¹ См.: Шнеер А. Указ. соч. С. 190–222.

² Леви Г. Указ. соч. С. 33.

К.О. Коха. Тот начал расследовать смерть лагерного врача В. Крамера, который, по слухам, лечил коменданта от сифилиса, а потому был убит по его приказу. Осенью 1941 г. К.О. Коха взяли под арест, но поскольку это произошло без санкции Г. Гиммлера, его вскоре выпустили. Рейхсфюрер СС дал ему второй шанс, переместив на должность коменданта Майданека.

27 сентября 1941 г. Ганс Каммлер, глава строительной группы Главного административно-хозяйственного управления РСХА, официально отдал приказ о строительстве Майданека и Аушвиц-II Биркенау. Оба лагеря должны были стать местом эксплуатации советских военнопленных. 7 октября появился первый план строительства концлагеря около Люблина: он должен был состоять из 10 «полей», т.е. отделений, сублагерей, с 226 бараками (206 — для заключенных) и способностью вместить 50 тыс. человек. Правда, к концу года, как докладывал Г. Каммлер, закончили только 26 барakov. Общая площадь лагеря составляла 270 га и была отгорожена ключей проволокой. Внутри примерно 30,6 га были выделены для заключенных: их разделили на 5 прямоугольников и обнесли также проволокой, так образовались «поля». Между 1-м и 2-м, а также 4-м и 5-м «полями» оставались промежуточные пространства в 50 метров шириной, которые назывались «междупольями»¹. К февралю 1942 г. фактически успели построить 1-е «поле». Каждое строящееся «поле» должно было состоять из 22 жилых барakov в два ряда и 2-х хозяйственных. Один барак был рассчитан на 250 человек, в реальности количество его обитателей превышало норму. В первые месяцы заключенные спали на голой земле, по которой была разбросана солома. Администрация лагеря располагалась в самом Люблине.

Пока реальное развитие лагеря буксовало, планы штабных работников из Берлина росли. Уже 1 ноября Г. Каммлер упоминал, что концлагерь под Люблином будет вмещать 125 тыс. заключенных. В ноябре 1941 г. была принята «Программа Генриха», согласно которой значение Люблина как тыловой базы СС повысилось. Теперь для обслуживания текстильных и оборонных предприятий, военного городка СС на 60 тыс. человек и снабжения различных эсэсовских подразделений на юге России требовалось 150 тыс. заключенных. В это же время Майданек был подчинен Инспекции

---

¹ Муравска-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 12.

концентрационных лагерей с выделением 5 млн рейхсмарок на строительные нужды. О. Глобочник сохранил реальные надзор и власть в лагере, однако от воплощения собственно строительных планов был вскоре отстранен¹. Забегая вперед, отметим, что его роль в функционировании лагеря была велика, т.к. в 1942–1943 гг. именно он был ответственным за уничтожение евреев и депортацию трудоспособных поляков в пределы Германии.

8 декабря 1941 г. Г. Каммлер закрепил приказом решение о расширении лагеря, а в последующие два месяца его подчиненные обновили план: теперь Майданек должен был состоять из двух частей, занимая площадь в 516 га². Первая отводилась под военный городок СС, вторая становилась местом заключения. Окончательно этот план был утвержден 23 марта 1942 г., но уже в апреле от «Программы Генриха» пришлось отказаться ввиду организационных и финансовых проблем, а также явно затянувшейся войны против СССР. Инфраструктура Люблинского района не могла выдержать одномоментное появление такого крупного центра, одновременно возмутились представители железнодорожного ведомства, на которых легла задача обеспечить колоссальные объемы перевозок (а это, в свою очередь, потенциально наносило удар по региону как важному сельскохозяйственному центру). Крушение СССР отодвигалось все дальше, а вместе с этим сокращались потоки военнопленных. Потому масштабные планы военных поселений «нового порядка» пришлось отложить. Майданек должен был стать концлагерем на 50 тыс. человек, количество «полей» предполагалось довести до 8. К концу мая 1942 г. удалось закончить 3 «поля» для заключенных и возвести ряд других построек, истратив чуть более 3,9 млн рейхсмарок³.

Забегая вперед, отметим, что мегаломания нацистского руководства очень быстро разбивалась о суровую действительность. И Майданек — яркий тому пример. Хотя развитие лагерной инфраструктуры продолжалось вплоть до 1944 г., в реальности обустроены были только 5 «полей» (6-е только начато), 108 бараков. На пике развития весной 1944 г. общая инфраструктура включала 280

---

¹ Kranz T. The Extermination of Jews at Majdanek concentration camp. Lublin, 2010. P. 10–11.

² Муравска-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 11.

³ Marszalek J. Geneza i poszatki budowy obozu koncentracyjnegona Majdanku // Zeszyty Majdanka. 1965. T. 1. S. 72–73.

знаний, в т.ч. газовые камеры, крематорий, административные постройки, водоснабжение и канализацию. Единовременная численность узников в среднем составляла 10 тыс. — 15 тыс. человек. Только весной-летом 1943 г. во время массовых депортаций она достигла 25 тыс. человек.

Если говорить о советских военнопленных, то за исключением первых месяцев они не были самой многочисленной группой заключенных. Польские исследователи предпочитают говорить о 2–3 тыс. советских узников, однако только в базе данных «Память народа» содержатся 5,8 тыс. записей о наших солдатах и офицерах, прошедших Майданек. Даже если учесть возможное дублирование информации из разных источников об одном и том же человеке, мы не можем не отметить неполноту этой базы, особенно в части касающейся пленных 1941 — начала 1942 гг. и тех, кто побывал в концлагере Люблин временно. Оценочно можно предположить, что не менее 6–7 тыс. советских военнопленных прошли Майданек. Характерно, что, согласно данным Главной Комиссии по расследованию германских зверств в Польше, на ее территории существовали 42 крупных лагеря советских военнопленных, численность узников которых по весьма приблизительным оценкам варьировалась от 2–3 тыс. до 40 тыс. (например, в д. Богуща Белостокского воеводства или в Торуне) и даже 150 тыс. (д. Беньяминув-Бялобжеги под Варшавой)¹. Концлагерь Люблин в этот список внесен не был.

На судьбу Майданека и его место в нацистской политике уничтожения серьезное влияние оказали не только победы Красной Армии под Москвой, но и решения, принятые нацистским руководством. Речь идет о двух параллельных и взаимосвязанных процессах: тотальное уничтожение европейского еврейства и повышение экономической эффективности СС.

Известно, что еще летом 1941 г. сразу по вступлению на территорию СССР начались расстрелы еврейского населения. Осенью этого же года по присоединении восточной Галиции к Генерал-губернаторству здесь прокатилась серия массовых убийств (так, в Станиславове в октябре расстреляли 10 тыс. человек). Однако

---

¹ ГАРФ. Р7021. Оп. 112. Д. 15. Л. 8–12. Стоит отметить, что представители советской стороны полагали данные польской комиссии недостоверными, при этом обвиняя ее и в преувеличениях, и приуменьшениях численности погибших. См. ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 149. Д. 169. Л. 6–7.

все эти меры были связаны прежде всего с «войной на востоке» и не отличались последовательностью. Дата, когда А. Гитлер отдал приказ тотально истребить всех евреев Европы, точно не известна. Считается, что проработка вопроса началась в августе 1941 г. В конце сентября — начале октября глава Генерал-губернаторства Ганс Франк посетил ставку фюрера. Вероятно, именно тогда было решено превратить подведомственную ему территорию в место тотального уничтожения, получившего позднее кодовое название «Операция Рейнхард». Ее проведение поручили О. Глобчнику, штаб размещался в Люблине. Во главе последнего стоял штурмбаннфюрер СС Герман Хефле, в непосредственном подчинении которого находились 92 специалиста, многие из них — «ветераны» уже закрывшейся «программы T-4». Несмотря на все меры секретности, о ней стало известно в немецком обществе, что вызвало недовольство. Однако накопленный опыт, в т.ч. массового уничтожения газом, был востребован.

Формирование штаба началось уже осенью 1941 г., т.е. параллельно с созданием Майданека, который виделся в качестве резервуара рабочей силы для СС. 13 октября 1941 г. Г. Гиммлер встретился с О. Глобчником, после чего появились первые планы создания лагерей уничтожения в Белжеце, Хелмно, Риге, Могилеве, Биркенау и Собиборе¹. Как видно, Майданека нет в этом списке. Из-за ситуации на Восточном фронте отказались от идеи превратить Могилев в место уничтожения, в ноябре уже началась подготовка места под строительство лагеря смерти Белжец, в конце года — Собибора². Параллельно в октябре на дипломатическом уровне начал прорабатываться вопрос о «переселении на восток» словацких евреев. Пока О. Глобчник готовился к осуществлению масштабной акции уничтожения, в начале декабря 1941 г. первым заработал лагерь смерти в Хелмно: ввиду переполненности Лодзинского гетто³ здесь убивали в душегубках «лишних» евреев, т.е. больных и слабых, малолетних детей, неспособных работать на благо Рейха.

И только 20 января 1942 г. под Берлином состоялось известное Ванзейское совещание («конференция»), где председателем был

---

¹ Шнеер А. Указ. соч. С. 185.

² Kuwalek R. Death camp in Belzec. Lublin, 2016. P. 29–38.

³ Обратим внимание, что Лодзь тогда называлась Лицманштадт и находилась в пределах территории Германии.

глава РСХА Р. Гейдрих, а участниками — ответственные представители государственных и партийных структур, которые согласовали основные параметры предстоящего тотального уничтожения 11 млн европейских евреев. В марте-июле на востоке Генерал-губернаторства заработали три лагеря смерти — Собибор, Трешлинка и Белжец, которые функционировали в 1942-1943 гг. В отличие от концлагерей СС они официально назывались «лагерями смерти» (Vernichtungslager) и не входили в подчинение ИКЛ. Евреев здесь убивали в первые несколько часов по прибытии, всего за 1942 г. количество жертв составило 1,25 млн человек¹, а общее число жертв за почти 2 года работы оценивается примерно в 1,5 млн: 250 тыс. в Собиборе, 450 тыс. в Белжеце и 800 тыс. в Трешлинке. Параллельно с весны 1942 г. убийства начались и в Аушвице, однако на протяжении первого года масштаб этой фабрики смерти был «скромнее» (200 тыс.)².

Убийства в лагерях «Операции Рейнхард», впрочем как и в других местах, сопровождались ограблением: вагоны с личными вещами, деньгами, волосами и зубными коронками свозились в Люблин³. В ангарах Старого аэродрома их сортировали, чинили и чистили, а затем отправляли в Германию. Этим занимались заключенные как Майданека, так и находившегося здесь трудового лагеря. Еще летом 1940 г. в зданиях бывшего местного авиазавода разместился женский трудовой лагерь. Именно его узницы одними из первых были привлечены к обеспечению «экономики Холокоста». Оператором являлась эсэсовская компания SS-Bekleidungswerke (ВКВ). В 1942 г. здесь был образован и лагерь для мужчин. До октября 1943 г. лагерь на Старом аэродроме не подчинялся администрации Майданека, но был тесно связан с нею⁴.

Одновременно в начале 1942 г. с формированием политики последовательного и тотального уничтожения евреев началось реформирование СС: в марте 1942 г. ИКЛ (с 1939 г. ее возглавлял

---

¹ Это известно из перехваченной британской разведкой германской телеграммы. См.: Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2018. С. 232.

² Рис Л. Указ. соч. С. 239.

³ Arad Y. Belzec, Sobibor, Treblinka. The Operation Reinhard Death Camps. Bloomington, Indianapolis, 1999. P. 159.

⁴ Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933-1945. Vol. 1. / Ed. by G. Megargee. Washington, 2009. P. 886.

Рихард Глюкс) в качестве отдела D вошла в состав Главного административно-хозяйственного управления СС во главе с О. По-лем, который вскоре начал активно продвигать своих людей на ответственные должности и «защищать» неэффективных комендантов. Этой реструктуризацией Г. Гиммлер стремился добиться максимального извлечения экономической прибыли. Хотя уже в это время начал прорабатываться вопрос о содействии военному производству, в действительности на протяжении всего 1942 г. СС занималась в основном обеспечением собственных нужд, и только в 1943–1944 гг. роль концлагерей в военной экономике начала последовательно расти¹.

Естественно, существует противоречие между тотальным уничтожением и усилением экономической эксплуатации, и попытка институционального разведения обеих задач не была до конца последовательной. Создание постоянных исключений из «общего правила» само стало «правилом» нацистской политики уничтожения. Например, 19 января 1942 г. Инспекция концлагерей разослала всем комендантам указание подготовить к отправке в Майданек всех заключенных евреев. Однако после Ванзейского совещания 26 января распоряжение отменили. Тогда же было решено, что 150 тыс. евреям должны были пока сохранить жизнь, отправив в концлагеря: ввиду серьезных неудач в борьбе против СССР поток пленных стал иссякать, а потому их было решено заменить евреями². То же самое происходило и на локальном уровне. 16 марта 1942 г. за несколько часов до ликвидации Люблинского гетто уже упоминавшийся выше Г. Хефле собрал всех немецких владельцев предприятий города, заявив, что неработающих евреев города отправят в Белжец, а способные к труду будут сконцентрированы в Майданеке.

Фактически истребление, ограбление и принудительная эксплуатация шли рука об руку, что будет отчетливо видно на примере «эволюции» Майданека. Неудивительно, что долгое время его место в общей системе концлагерей достаточно сложно зафиксировать. Еще осенью 1941 г. он официально назывался лагерем военнопленных войск СС, в начале 1942 г. в некоторых документах упоминался как «классический» концентрационный лагерь.

¹ Buggeln M. *Slave Labor in Nazi Concentration Camps*. Oxford, 2014. P. 17–18.

² Allen M. *Ibid.* P. 151.

В феврале строительная инспекция Генерал-губернаторства рассматривала возможность создания здесь сразу двух лагерей: концентрационного и для военнопленных, а в апреле в одном из писем Г. Гиммлер полагал, что этот концлагерь совмещает обе функции. И только в феврале 1943 г. он был окончательно переименован в концентрационный лагерь Люблин (KL Lublin). Наименование «Майданек» является неофициальным названием. Также нацисты между собою называли его «еврейским лагерем» ввиду того, что именно эта категория заключенных доминировала численно¹.

СТРУКТУРНОЕ УСТРОЙСТВО ЛАГЕРЯ

Поскольку Майданек входил в систему ИКЛ, то это определило и перенос «типовой» организационной структуры. Она состояла из коменданта и 6 отделов:

— комендатура: фактически секретариат коменданта, посредством которого осуществлялось оперативное управление; руководство осуществлял адъютант коменданта; за все время эту должность занимали пять человек, по количеству комендантов;

— политический отдел: находился в подчинении не только коменданта, но и РСХА, и местного начальника гестапо. Его сотрудники вели дела узников, регистрировали их, хранили личные вещи, организовывали допросы и слежку. С февраля 1942 г. и вплоть до уничтожения Майданека начальником отдела был гауптшарфюрер Отто Клоппманн (звание соответствует армейскому оберфельдфебелю);

— отдел заключенных: на него возлагались основные контакты с заключенными, включая питание, размещение и ежедневные работы. Непосредственно использованием рабочей силы занимался отдел IIIa. Начальником отдела заключенных был шуцхафт-лагерфюрер, который опирался на широкую сеть подчиненных: начальник лагерной канцелярии (Rapportfuehrer), начальники «полей» (Feldfuehrer) и начальники бараков (Blockfuehrer). В непосредственном подчинении последних находились представители «лагерного самоуправления», которых в широком смысле называют «капо». В действительности речь идет о совершенно различных

---

¹ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 37. Л. 29.

должностях, например, старосты лагеря (Lageraeltester), писари (Blockschreiber), собственно капо и подчиненные им помощники (Vorarbeiter), которые возглавляли различные рабочие команды из числа заключенных. На эти должности назначали обычно немецких заключенных из числа уголовников и реже — польских политических узников, хотя, как мы покажем ниже, ими могли становиться даже цыгане и евреи¹. По воспоминаниям Евгения Васильевича Хорошунова, в 1943 г. старостой 1-го «поля» был немец-уголовник Петер Бюргер «сильный, сытый, с красным лицом, он всегда ходил, размахивая плетью», его заместителем — Теодор Хессель, на 3-м «поле» должность старосты занимал некий Шмук, 4-м — Петер Ведерко². Четыре человека последовательно занимали должность шуцхафтлагерфюрер: Герман Хакман (с осени 1941 г. по сентябрь 1942 г.), Себастиан Виммер (до февраля 1943 г.), Антон Туманн (до апреля 1944 г.) и Эрнст Костиаль (до июля 1944 г.);

— административный: занимался материальным обеспечением лагеря и различных технических устройств, практически все время существования лагеря главой отдела был гаупштурмфюрер СС Генрих Ворстер (с мая 1944 г. — гаупштурмфюрер СС Михаэль Гут). Именно это управление было ответственно за награбленное имущество;

— медицинский: его возглавлял лагерный врач, который отвечал за санитарное состояние лагеря. В действительности медицинская помощь узникам была скудной, из-за чего постоянно возникали эпидемии, а основная деятельность заключалась в селекции узников и отправке «негодных» по здоровью к работе на смерть. Эту должность последовательно занимали оберштурмфюреры СС Франц фон Бодманн и Генрих Риндфлейш, а затем гауптштурмфюрер Макс Бланке. В подчинении главного врача находились санитары из числа эсэсовцев, а также врачи из числа заключенных;

— пропагандистско-образовательный: политическое воспитание эсэсовцев, проведение для них культурных мероприятий, а также обустройство библиотеки (такие отделы существовали только в крупных лагерях)³.

¹ Муравска-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 19.

² Люди, победившие смерть: Воспоминания бывших узников фашистских лагерей. Ленинград, 1968. С. 169.

³ Аристов С. Указ. соч. С. 67.

По мере расширения лагеря в 1943 г. появились различные автономные подразделения: женский лагерь, садоводство, управление земельным участком, лагерь инженер, псарня и суд СС (вел расследование коррупционных преступлений)¹.

Как и в других лагерях, охрану несли специально созданные для этого подразделения СС «Мертвая голова». Начальником охраны с апреля 1942 г. по август 1943 г. был выходец из Бухенвальда оберштурмфюрер СС Вальтер Ланглейст, затем его сменил гауптштурмфюрер СС Мартин Мельцер. На 1943 г. общая численность охранников составляла 900 человек, сведенных в семь рот, в январе 1944 г., ввиду уменьшения численности узников после массовых убийств евреев, их осталось около 700, а в июле оставшихся заключенных охраняли всего 225 человек². Изначально сюда направляли служить эсэсовцев из других концлагерей, однако вследствие кадрового голода и стремления избавиться чистокровных арийцев от самой грязной работы их заменяли на фольксдойче, преимущественно из Румынии и Югославии, и травниковцев. Непродолжительное время, на рубеже 1942–1943 гг., здесь служил Иван Демьянюк, известный благодаря судебным процессам 1980–2010-х гг.

Отдельно отметим литовские полицейские охранные батальоны. В 1941 г. в Каунасе был создан 2-й литовский полицейский охранный батальон во главе с майором А. Импулявичюсом. Он участвовал в массовых расстрелах евреев, затем использовался для проведения карательных операций в Белоруссии против партизан и мирного населения (прежде всего евреев). Даже Генеральный комиссар (гауляйтер) генерального округа «Белоруссия» Вильгельм Кубе говорил об особом садизме литовцев и просил начальство отослать это подразделение прочь³. В марте 1942 г. 2-й литовский полицейский батальон вошел в состав охраны Майданека, а в апреле был расформирован. Некоторые военнослужащие остались здесь, другие — отправлены в прочие лагеря⁴. Осенью 1942 г. для охраны Майданека прибыл 252-й литовский полицейский охран-

¹ Грынъ Э., Муравска З. Указ. соч. С. 20.

² Murawska Z. System strzeżenia i sposoby izolacji więźniów w obozie koncentracyjnym Majdanku // *Zeszyty Majdanka*. 1965. Т. 1. S. 76–132.

³ Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. М., 2018. С. 154.

⁴ Шнеер А. Указ. соч. С. 352–256.

ный батальон капитана А. Пятрулиса (около 500 человек), и вплоть до 1944 г. отдельные литовские коллаборационисты оставались здесь, занимаясь, прежде всего, конвоированием заключенных на работы¹. В числе младших командиров был Антанас Балтусис-Жвевяс, который в дальнейшем стал одним из «лесных братьев» и погиб в боях против советской власти. Сегодня его чтят как национального героя Литвы². Отметим, что во время послевоенных допросов один из литовских коллаборационистов свидетельствовал, что нес охрану Майданека с осени 1941 г.³ Однако к этим данным стоит относиться с настороженностью, т.к., вероятно, за этим «признанием» могла быть попытка скрыть участие в акциях уничтожения в Белоруссии.

За усердную работу сотрудники лагеря могли быть поощрены, например, повышением в должности или производством в следующий чин. Так, начальник крематориев и главных организатор утилизации трупов шарфюрер Эрих Мусфельд, отличавшийся особым садизмом, в июне 1943 г. за отличия был произведен в обершарфюреры⁴. Некоторые даже получали боевые награды, так, в конце 1943 г. несколько офицеров были награждены Железным крестом 2-й ст. с мечами⁵.

МАЙДАНЕК: ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОЗДАНИЯ

Описанные выше планы по развитию Майданека могут поражать воображение только на бумаге, в то время как реальность оказалась совершенно иной. Первыми узниками, они же строители лагеря, были советские военнопленные. 7 октября 1941 г. прибыли первые 2 тыс. человек из шталага 319 под Хелмом. Первый шухафтлагерфюрер Г. Хакман на суде в 1970-е гг. вспоминал: «Поздней

¹ Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. М., 2009. С. 165.

² Balčiūnas E. The History of Three «Lithuanian Freedom Army» (LFA) Colonels Who Served the Nazis // Defending History. 2012. 28 April. URL: <http://defendinghistory.com/the-history-of-three-lithuanian-freedom-army-lfa-colonels-who-served-the-nazis/34244#baltusis> (дата обращения: 27.09.2019).

³ Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. СБ. архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 65–69.

⁴ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 5. Л. 283.

⁵ Mailaender E. Ibid. P. 188.

осенью, когда прибыли первые недочел... я имею в виду русских военнопленных, которых поместили сюда. Тогда они жили в выкопанных ямах под землей. Когда они прибыли, уже шел снег. Не было видно ничего, но один свисток и все они выстраивались у своих ям»¹. Эта оговорка на заседании суда ярко отражает то отношение, которое немцы испытывали к советским солдатам. Естественно, что из-за ужасных условий содержания вскоре вспыхнула эпидемия тифа, многие умерли, а оставшихся просто перебили в качестве меры по борьбе с болезнью. Их расстреливали в ямах на окраине огороженной территории, за будущим 5-м «полем». Непосредственная работа по утилизации тел, тогда их просто закапывали, лежала на специальной «зондеркомmando» из числа польских евреев. Ее начальником был шарфюрер СС Э. Мусфельд

Хотя Майданек в планах нацистского руководства и планировался как резервуар рабской силы из числа военнопленных, в действительности очень быстро он стал превращаться в традиционный концлагерь СС. Так, в ноябре-декабре 1941 г. сюда перевели группу примерно в 100 заключенных из других концлагерей: в основном это были этнические немцы, осужденные за уголовные преступления (в качестве отличительного знака они носили зеленый треугольник-винкель). Им предстояло занять должности капо и стать надежной опорой для руководства лагеря. Жестокость именно этих заключенных, привилегированной элиты, отмечали другие узники.

Быстрая гибель советских военнопленных вызвала необходимость кем-то их заменить. С самого начала строительства сюда ежедневно приводили порядка 500 польских военнопленных из концлагеря на Липовой улице. В середине декабря в Майданек стали направлять молодых евреев из Люблинского гетто (150 человек прибыли 12 декабря)² и местных поляков: не особо церемонясь, нацисты проводили рейды на улицах города. В начале января 1942 г. прибыл первый транспорт с польскими заключенными, преимущественно крестьянами, которые не сумели обеспечить необходимые поставки продовольствия для германских нужд³. Таким образом, уже в первые месяцы существования этот концентрационный лагерь стал местом содержания евреев, советских

¹ Mailaender E. Ibid. P. 126.

² Kranz T. Ibid. P. 21.

³ Mailaender E. Ibid. P. 30.

военнопленных и польских граждан (естественно, эти категории могли пересекаться).

В начале 1942 г. успели построить бараки только одного «поля», в феврале появился лазарет на 1-м «поле» (в марте количество лазаретных барачков увеличили до 10), весной — первые 18 сторожевых вышек по периметру. Постепенно в бараках появлялись полы, а затем и деревянные нары. Строительством лагеря занимались не только заключенные, но и привлеченные по найму польские гражданские компании и специалисты. Тогда же ввели систему нумерации узников от 1 до 20000, номера умерших присваивались прибывшим. На каждом «поле» появилась виселица. Этот символ власти был важнее обеспечения хотя бы базовых санитарных потребностей: до мая воду в лагерь завозили, причем только для кухни. Затем вырыли два колодца, однако вода оказалась непригодной для употребления. Позднее ради развлечения или в наказание охранники любили топить в колодцах узников. Испражнялись заключенные в специальные ямы, ночью — в ведра. Если учитывать летнюю жару, закрытые окна и двери, то можно только представить, при каком запахе спали узники. В июне на 1-м «междуполье», недалеко от душевых, соорудили небольшой крематорий в 2 печи, доставленные из Заксенхаузена и работающие на нефти. Начальником вплоть до 1944 г. был упомянутый Э. Мусфельд, отличавшийся особым садизмом. Ввиду малой пропускной способности (до 200 в день) тела многих узников хоронили в специальных ямах за 5-м «полем». Непосредственно работу крематория обслуживала «зондеркоммандо», которая с марта 1942 г. состояла из советских военнопленных во главе с капо. Сначала им был некий словацкий еврей, а затем немецкий уголовник Г. Фишер¹. Вероятно, все они участвовали и в убийствах заключенных.

Майданек никогда не был только местом уничтожения и заточения — извлечение прибыли в пользу СС всегда имело повышенное значение. Это явилось отражением общей политики, проводимой О. Полем: найти пути интенсификации производительности, не считаясь с человеческими издержками. Так, рабочий день должен был составлять не менее 11 часов, с апреля коменданты назначались лично ответственными за экономическую эффективность, причем параллельно шло сокращение издержек

---

¹ Полян П. Жизнь и смерть в аушвицком аду. М., 2018. С. 66.

в виде экономии на питании узников¹. Майданек также включался в эту систему рабского труда. Конечно, здесь никогда не исполнялось предписание, чтобы только 10% узников были заняты на обслуживании лагеря, поскольку он постоянно расширялся. Заключенные сами должны были построить место своего заточения и уничтожения и поддерживать его функционирование. Так, весной 1942 г. здесь организовали собственные сельскохозяйственные участки, где выращивали различные овощи для внутреннего потребления. Основная же форма извлечения прибыли из узников заключалась в сдаче их в наем. В самом Люблине разместились эсесовские текстильные предприятия, принадлежащие компании «Немецкие предприятия военной промышленности», Deutsche Ausüstungswerke (сокращенно DAW), основанной в 1939 г. Через нее происходила организация работ при многих концлагерях, однако в 1942 г. наиболее прибыльным был именно филиал в Люблине. На нее работал и концлагерь на Липовой улице, который формально не подчинялся комендатуре Майданека.

Изматывающий труд был сопряжен с постоянными издевательствами. Здесь выделяется фигура шущафтлагерфюрера 28-летнего Г. Хакмана. Выходец из рабочей семьи, он уже в 1933 г. вступил в ряды СС и сумел быстро подняться по карьерной лестнице, став весной 1939 г. адъютантом К.О. Коха в Бухенвальде. Вместе с ним он и прибыл на восток Генерал-губернаторства. Один польский узник вспоминал: «Одним из самых отвратительных существ лагеря был Хакман. В то время это был молодой человек лет 30, элегантный, часто носил белые перчатки. Помню, как он проводил утреннюю поверку 1-го поля. Выстроились порядка 35 русских военнопленных, столько их осталось от многочисленной группы, прибывшей до этого. Они стояли в лохмотьях, русских шапках, длинных форменных пальто перед ним, таким элегантным. Этот контраст был ужасен. Это было в конце февраля 1942 года... Во время поверки он шел мимо заключенных и бил их по голове то ли собачьим, то ли лошадиным кнутом. Нет, это не было каким-то наказанием за что-то, таким образом он выражал к ним свое отвращение»².

Еще в 1941 г. все заключенные разбивались примерно на 30-40 групп — специальных команд, занимавшихся различными

¹ Buggeln M. Ibid. P. 19.

² Mailaender E. Ibid. P. 125-126.

видами работ по постройке лагеря, его обслуживанию или на предприятиях за его пределами. Число таких рабочих команд постоянно росло. Наиболее тяжелым было положение тех, кто занимался строительством, убирал снег или чистил отхожие ямы: изнурительный физический труд очень быстро подрывал здоровье. Естественно, все работы были связаны с постоянными издевательствами. Польский заключенный Ю. Мадей вспоминал: «...мы застали около 500 пленных. В декабре 1941 года их вывели на работу куда-то за шоссе и так избивали, что осталось их меньше половины. Когда мы уже стояли на вечерней поверке, пленные возвращались с работы. За колонной ехало семь повозок с трупами узников убитых во время труда. Их свалили в кучу около барака 16... В начале января 1942 года человек 60 штатских лиц и человек 70 военнопленных выравнивали поверхность второго поля. Один молодой эсэсовец устроил охоту на них. Из винтовки убил он тогда 5 человек военнопленных и 3 штатских»¹.

Первый год существования лагерь находился в хаотичном состоянии. К.О. Кох позднее свидетельствовал о недостатках личного состава. Внешнюю охрану несли подразделения литовских коллаборационистов, слабо понимавших немецкий язык, а местное отделение СС было укомплектовано запасниками, которые не знали охранной службы: «Так как идет война, нет никакой возможности их заменить. Сегодня у нас два охранника на лагерных воротах — один из них глухой на одно ухо, второй не умеет ни читать, ни писать»². Если учесть, что в этот период администрация лагеря находилась в самом Люблине, то можно предположить, что реальное управление лежало на плечах штурцхафтлагера Г. Хакмана и его подчиненных.

Если изначально Майданек был местом заключения советских военнопленных и польских узников, то вскоре численно здесь стали доминировать этнические евреи. Осенью 1941 г., т.е. в период выработки первоначальных планов полномасштабного истребления евреев, Г. Гиммлер начал обсуждать возможность депортации в Генерал-губернаторство германских и словацких евреев, которые могли бы быть также задействованы в качестве рабской силы. Вскоре такие поезда стали направлять в гетто Лодзи, в Минск и города Прибалтики, а в конце года было принято

¹ Муравска-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 55.

² Цит. по. Аристов С. Указ. соч. С. 90.

решение, что среди пунктов назначения должен быть и Майданек. Правда, пока эти депортации носили хаотический характер. Не все начальники на местах представляли, что делать с этими эшелонами. Например, в самом конце ноября высший руководитель СС и полиции в рейхскомиссариате «Остланд» Фридрих Еккельн приказал умертвить прибывших в Ригу германских евреев, за что получил выговор от Г. Гимmlера за самоуправство¹.

Только после «Ванзейского совещания» процесс депортаций был упорядочен, причем ввиду уменьшения потока советских военнопленных было принято решение временно сохранять трудоспособным евреям жизнь. Первые массовые депортации иностранных евреев в Майданек начались в марте 1942 г. и продолжались до середины июня. Хронологически это совпадает с периодом создания инфраструктуры «Операции Рейнхард», т.е. лагерей смерти Собибор, Белжец и Трешлинка. В то время как сотням тысяч евреев предстояло быть уничтоженными в этих центрах смерти в течение первых часов прибытия, некоторым, наиболее трудоспособным, сохраняли жизнь. Так Майданек превратился в место концентрации и перераспределения «полезных» евреев. 15 марта в Люблин прибыл первый поезд из Терезиенштадта (протекторат Богемия и Моравия). Затем начали массово прибывать евреи из Словакии. В соответствии с договоренностями с местным марионеточным правительством до 20 октября 1942 г. депортировали 58 тыс. евреев, причем 39 тыс. прошли через Люблинский регион². Правда, словацкие власти посадили в составы не только трудоспособных мужчин, но и женщин и детей, что создало определенные сложности при селекции по прибытии³. Вскоре последовали поезда из Германии и различных гетто Генерал-губернаторства. Так, в конце апреля 1942 г. из общего количества узников в 5896 человек 5847 были евреями. В середине октября из 9519 зарегистрированных они составляли 7468. Поляков насчитывалось 1884 человека, остальные — граждане СССР, включая военнопленных, некоторое количество чехов, германцев и австрийцев⁴.

¹ Симкин Л. Его повесили на площади Победы. М., 2018. С. 180–181.

² Buchler Y. The deportation of Slovakian Jews to the Lublin district of Poland in 1942 // Holocaust and Genocide studies. 1991. Vol. 6. No. 2. P. 151.

³ Buchler Y. Ibid. P. 153.

⁴ Encyclopedia of Camps and Ghettos.... P. 877.

Депортации иностранных евреев были остановлены в середине июня (на фоне начавшейся эпидемии тифа в Майданеке), а позднее сюда в качестве рабочего ресурса стали отправлять евреев из других регионов Польши. Так, с 15 августа в течение месяца из Варшавского гетто прибыли 3,3 тыс. человек. Затем эшелоны шли из многих других регионов Генерал-губернаторства, причем в них могли быть и иностранные граждане. Всего за 1942 г. концлагерь Майданек принял 26 258 евреев, однако эта цифра не включает тех, кого с осени стали убивать сразу по прибытии¹. На протяжении всего года евреи были основной группой заключенных: летом они составляли 95% узников, к зиме их пропорция уменьшилась до 88% (ввиду депортаций поляков).

Будущие узники прибывали на железнодорожную станцию в 2 км от лагеря. Здесь происходила селекция: здоровых мужчин отправляли в Майданек, остальных — в различные трудовые лагеря и гетто. Однако вскоре «непроизводительные силы» депортировали сразу же в лагеря смерти. По воспоминаниям Арнольда Хиндлса, который прибыл в Люблин 25 апреля на поезде из Терезиенштадта, эсэсовцы ударами выгоняли людей из вагонов, крича «все мужчины от 18 до 55 — быстро вышли из поезда!». Селекция была совершенно неожиданной, женщины плакали, просили оставить мужей с ними, на что нацисты отвечали, что те нужны для срочных работ в городе и вскоре воссоединяться с семьями. Конечно же, это было ложью². Нужно уточнить, что, как правило, с каждого эшелона в лагерь определялись примерно 200 человек, т.е. 20%, их средний возраст составлял 15-55 лет, но порою к работам привлекали детей до 15 лет или стариков старше 60.

Для понимания общего контекста подчеркнем, что параллельно со всеми этими депортациями в Генерал-губернаторстве начала реализовываться политика массового уничтожения евреев. Так, когда первые поезда из Словакии и оккупированной Чехии прибывали в Майданек, с середины марта по середину апреля 1942 г. нацисты ликвидировали Люблинское гетто. В лагерь смерти Белжец они отправили 26 тыс. человек, 2,5 тыс. забили при транспортировке. Только 8 тыс. человек сохранили жизнь, создав «малое гетто» в пригороде Майдан Татарски, в 1,5 км от Майданека и недалеко от рабо-

---

¹ Kranz T. Ibid. P. 24.

² Ibid. P. 21-22.

чего лагеря на Старом аэродроме. Вместе с ними попытались оказаться 3 тыс. евреев, скрывшихся от депортаций и не получивших специальных рабочих удостоверений. Они надеялись затеряться среди прочих, однако надежды были тщетны. 22 апреля их всех отправили в Майданек, после селекции около 300 человек вернули в гетто, а остальных расстреляли в Кремпецком лесу, в нескольких километрах к югу от города. Отметим, что это было уже не первое убийство в этом месте: 21 февраля здесь уничтожили группу узников из тюрьмы гестапо, располагавшейся в Люблинском замке¹.

Далеко не все евреи задерживались в Майданеке. Для некоторых это была временная остановка перед отправкой в другие трудовые лагеря. Например, уже в мае 1,3 тыс. словацких евреев перевели в Аушвиц-II Биркенау. Об этом сообщал чехословацкий еврей Рудольф Врба (урожденный Вальтер Розенберг), известный тем, что после практически двух лет пребывания в Аушвице бежал с другим узником, Альфредом Вецлером. Через несколько месяцев весь мир обошел их 35-страничный доклад — первое детальное описание Аушвица как фабрики смерти. Однако несколько страниц они посвятили и Майданеку, где Р. Врба находился с 16 по 27 июня 1942 г., причем, как он пишет, он фактически сам попросился записать его в группу, отправляемую в Аушвиц. Заметим, что он был не единственным выжившим евреем в 1942–1943 гг., находившимся в Майданеке, который позднее свидетельствовал о том, как он хотел перевестись в эту фабрику смерти².

Рассказ Р. Врба является весьма ценным свидетельством того, что именно происходило внутри лагеря. По прибытии на вокзал все мужчины должны были покинуть поезд. Их конвоировали литовские охранники. Сначала их привели на текстильную фабрику компании *Bekleidungswerke* (трудовой лагерь на Старом аэродроме), где работали примерно 1 тыс. истощенных узников, а затем всех вместе отправили в Майданек. «Новичков» лишили личных вещей, затем раздели, обрили, отвели в душ и выдали тюремные полосатые рубы. Если в других лагерях СС заключенных помещали на двухнедельный карантин, то здесь в течение нескольких дней, в т. ч. под дождем, муштровали, обучая, как снимать кепку перед эсэсовцами. Кроме того, заключенные разучивали

¹ Муравска-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 62.

² См. Mailaender E. Ibid. P. 41.

лагерную песню: «Из всей Европы мы, евреи, прибыли в Люблин // Мы должны многое сделать, и это только начало // Для того, чтобы выполнить свой долг, мы должны забыть о своем прошлом // Для того, чтобы исполнить свой долг, мы должны стать единым коллективом // Потому со всей энергией примемся за работу // Пусть каждый внесет свой вклад // Вместе мы хотим работать // В одном темпе и ритме // Не все поймут // Почему мы стоим в один ряд // Но мы заставим их // Понять все это // Новая эра научит нас // Что все мы навсегда // Все мы навсегда принадлежим своей работе // Только одной работе принадлежим мы // Потому со всей энергией примемся за работу // Пусть каждый внесет свой вклад // Вместе мы хотим работать // В одном темпе и ритме»¹. Отметим, что во всех концлагерях СС передвижение в группах нередко сопровождалось пением тех или иных песен — маршевый ритм должен был поддерживать дисциплину².

По свидетельству Р. Врба, на тот момент успели закончить строительство лишь трех «полей»: на 1-м размещались словацкие евреи, на 2-м — словацкие и чешские, на 3-м — «партизаны». Под последними, вероятно, имелись ввиду польские заключенные или советские военнопленные, которые ютились в переполненных бараках без еды и воды. Строительством 4-го и 5-х «полей» занимались в основном те, кто жил на первых двух. Сам Р. Врба был распределен на 2-е «поле». На завтрак и обед заключенным выдавали легкую похлебку, кроме того, им были положены чай, 300 граммов плохого хлеба и 30 граммов мармелада или искусственного жира. В бараках вместо нар использовали три длинных стола, поставленных друг на друга, заключенные спали в 4 этажа. В числе капо Р. Врба упоминает не только немцев, но и чехов. Старостой 2-го «поля» был цыган по имени Гальбави, его помощник еврей Митлер отличался особой жестокостью.

Вторая половина июня 1942 г. была тяжелым временем для Майданека: ввиду массовых депортаций из Германии, марионеточной Словакии, оккупированных Чехии и Польши лагерь ока-

---

¹ Report by Alfred Wetzler and Rudolf Vrba, two Escapees from Auschwitz (Late April 1944) // German History in Documents and Images (GHDI). URL: <http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/English45.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

² Аристов С. Указ. соч. С. 258-259.

зался переполнен, что привело к эпидемии тифа. Как и в декабре 1941 г., вопрос был решен за счет массовых расстрелов. Группу советских узников заставили выкопать глубокие рвы в Кремпецком лесу, в которых расстреляли 1,5 тыс. тифозных. Для эсэсовцев участие в этих акциях было добровольным, в качестве «компенсации морального вреда» им выдавали сигареты и алкоголь. Однако поскольку многие «истинные арийцы» боялись заразиться, то обычно расстреливали охранники-коллаборационисты¹. Тела хоронили. Также Р. Врба писал, что некоторых больных убивали на территории крематория, где сразу же сжигали. В среднем в день погибало от 30 до 70 человек.

Неудивительно, что именно на этот период пришелся наиболее крупный побег, рассказы о котором среди заключенных передавались и годом позднее²: 14 июля 86 советских военнопленных накинули одеяла на колючую проволоку и выбрались на волю. Охранники сумели застрелить только двоих. Желая избежать ответственности, только что вернувшийся из Берлина К.О. Кох приказал расстрелять оставшихся примерно 60 военнопленных (дескать, их удалось ликвидировать при побеге), а вину переложил на подчиненных. При этом О. Глобочник был извещен о побеге только утром, что задержало организацию преследования и в свою очередь вызвало его недовольство нераспорядительностью К.О. Коха³. 25 июля по указу Гимmlера он был отстранен от должности. Суд СС начал расследование по статье «халатность». Г. Хакман после административного разбирательства осенью был переведен в Югославию.

В начале августа 1942 г. комендантом Майданека стал оберштурмбанфюрер СС (соответствует званию подполковника) Макс Кёгель, бывший до этого на аналогичной должности в Равенсбрюке. Официально назначение состоялось только 20 числа. Хотя он пробыл здесь несколько месяцев и был заменен Германом Флорштедтом, именно при нем начались серьезные преобразования, оказавшие радикальное влияние на историю лагеря.

Можно выделить два направления эволюции Майданека — как лагеря смерти и как концентрационного лагеря.

¹ Mailaender E. Ibid. P. 167.

² Люди, победившие смерть... С. 166.

³ Mailaender E. Ibid. P. 193–194.

МАЙДАНЕК КАК ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

Как видно из вышеизложенного, в первый год существования лагеря истребление евреев пока не стало его главной целью. Для этого существовали лагерь «Операции Рейнхард» (не считая Хелмно, Аушвица, а также деятельность айнзацгрупп в оккупированной части СССР), однако вскоре они оказались перегружены, а 19 июля 1942 г. Г. Гиммлер вообще распорядился до конца года очистить все Генерал-губернаторство от евреев. 1 августа комендант Белжеца Кристиан Вирт был назначен инспектором «Операции Рейнхард», начались совещания и инспекторские поездки Г. Камллера. Итогом стало принятие решения превратить Майданек в еще один лагерь смерти. Соответственно, для этого и были созданы газовые камеры. Концлагерю Люблин отводилась вспомогательная роль, когда основные центры уничтожения не справлялись с потоками обреченных. Об этом красноречиво свидетельствуют и цифры погибших: по современным оценкам польских историков Музея Майданека общее количество еврейских жертв оценивается «всего» в 60 тыс. (ранее в исследователи писали о 80-150 тыс. погибших), в то время как в Собиборе — 250 тыс., а в Треблинке — около 800 тыс. «Кровавая нагрузка» на Майданек выросла в первую половину 1943 г.: это связано не только с масштабными акциями уничтожения, но и более прозаическими причинами. В середине декабря 1942 г. перестал принимать эшелоны лагерь смерти Белжец: крематорий там не построили, и после убийства 450 тыс. человек хоронить трупы было уже негде. Примерно полгода потребовалось для того, чтобы специальная команда сожгла тела в целях сокрытия преступления¹.

В историографии существует споры относительно количества и сроков функционирования газовых камер, хотя само их существование под вопрос никогда не ставилось. Еще помощник главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Л.Н. Смирнов упоминал, что в Майданеке проводился их технический и санитарно-химический анализ, подтвердивший использование синильной кислоты и окиси углерода². Например, современные

¹ Kuwalek R. Ibid. P. 151.

² Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 5 / ред. Лебедева Н.С., Рагинский М.Ю., Павлицев К.С. М., 1991. С. 177.

исследователи из Музея Майданека отрицают предположения, будто уже при первом крематории летом 1942 г. убивали газом. Осенью 1943 г. здесь действительно создали дезинфекционную камеру для вещей. Точно также современные исследователи сомневаются, что людей умерщвляли непосредственно в душевой (барак № 41), полагая, что там действительно была камера, где с помощью газа («Циклона Б») дезинфицировали одежду. В начале 1943 г., судя по позднейшим показаниям эсэсовцев, включая Г. Хакмана, для убийств использовался грузовик-душегубка (выхлопные газы направлялись в герметичный кузов с узниками внутри)¹.

Однако никаких сомнений не вызывает предназначение двух газовых камер (общая площадь 10,7 x 8,8 x 2,4 метра), располагавшихся сразу за мужским душевым баракком № 41. Одна из них был разделена еще на две меньшие комнаты, вероятно поэтому говорят о трех газовых камерах. Они представляли собой отдельное каменное здание, окруженное деревянной оградой с колючей проволокой, с воротами для грузовика, вывозившего тела. От мужской и женской душевых к ним вел деревянный настил². Над входом виднелась успокаивающая надпись: «Купание и дезинфекция». Строительство закончили к октябрю 1942 г. В качестве отравляющего вещества использовался угарный газ (из специальных бутылок) и «Циклон Б» (в виде гранул в банках). Последний поставлялся германской корпорацией *Degussa*. Основанная в 1873 г., она успешно развивалась на протяжении более 100 лет и в 2005 г. стала третьим химическим концерном Германии. Согласно существующим данным, в 1942–1944 гг. *Degussa* поставила в Майданек 7,7 метрических тонн газа, выручив 38,5 тыс. рейхсмарок (154 тыс. долларов в ценах 1999 г.). Одновременно Аушвиц закупил 24,2 метрические тонны. Эти 3% от общих продаж «Циклона Б» за эти годы (963 тонны стоимостью в 5 млн марок) сделали компанию соучастницей убийства сотен тысяч людей, при этом не став источником серьезной прибыли³. Газовые камеры функционировали как места убийств

¹ Kranz T. Ibid. P. 43–45.

² После войны во время реконструкции газовые камеры были соединены с душевым баракком, что формирует у посетителей не совсем корректное представление о технологии убийства.

³ Hayes P. From Cooperation to Complicity. *Degussa in the Third Reich*. Cambridge University Press, 2004. P. 288, 295.

примерно в течение года, при этом расстрелы по-прежнему проводились и в Кремпецком лесу вплоть до ликвидации лагеря (Польско-советская чрезвычайная комиссия в августе 1944 г. обнаружила здесь совершенно свежие трупы). Согласно показаниям узников, летом 1943 г. здесь убили 300 советских военнопленных¹. Использование «Циклона Б» сближает Майданек с Аушвицем, в то время как в лагерях смерти Треблинка, Собибор и Белжец использовали угарный газ от мотора, работающего на бензине.

Как правило, под уничтожение попадали две категории узников. Во-первых, без различия этнической принадлежности в газовые камеры отправлялись больные, истощенные или просто ненужные заключенные. Многие были доведены до такого состояния, что фактически представляли собою живые трупы: утратившие волю к жизни, истощенные тела с потухшими глазами. Если в Аушвице истощенных узников называли «музульманами»², то в Майданеке — еще и «верблюдами». Наиболее активно селекции шли с осени 1942 г. по весну 1943 г., что связано с очередной вспышкой тифа в декабре на 1-м «поле». Тогда же было предпринято массовое переселение, всех незараженных отправили на 3-е «поле», а каждого, кто с трудом передвигался по выпавшему снегу или имел язвы на теле, — в газовую камеру. Обычно отбором занимались комендант и врачи СС, но в действительности во время общих построений эти функции могли быть возложены и на надзирателей. Как правило, судили по внешнему виду. Существовали и более изощренные способы, например, бег заключенных наперегонки: прибежавших последними отправляли в газовую камеру³. С весны 1943 г. селекции стали проводиться в женском лагере. Доктора СС осматривали выстроившихся узниц, особое внимание уделяя ногам: если на них были раны, то их отправляли в газовую камеру. Также охранникам доверяли вести наблюдение за женщинами и передавать номера выглядевших больными с тем, чтобы отправить их на смерть. Вероятно, из-за загрузки газовых камер с весны 1943 г. наиболее без-

¹ Муравска-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 63.

² Конечно, в основе жаргонизма находится образ молящегося мусульманина, и в отечественной литературе обычно он переводится как «мусульманин». Однако мы намеренно сохраняем немецкое звучание данного слова, чтобы подчеркнуть специфику термина.

³ Kranz T. Ibid. P. 51.

надежных больных отправляли в специальный Gammelblock, «блок для доходах» (3-е «поле», барак 15), где они умирали от истощения или побоев капо. Они с трудом передвигались, а потому не могли подойти до общего котла и оставались без еды. По этой же причине они испражнялись под себя, и общий вид этого барака вызывал ужас даже у привыкших к своему положению узников.

Во-вторых, нацисты наиболее последовательно уничтожали евреев. Впрочем, пока газовые камеры строились, 2 сентября 1942 г. Г. Гиммлер разрешил некоторым евреям Генерал-губернаторства сохранить жизнь, если те владеют полезными рабочими профессиями. С августа 1942 г. в Майданек активно депортировались евреи из Варшавского гетто и Люблинского округа. В 1943 г. отдельные группы могли прибыть из различных районов оккупированной Польши, включая Аушвиц, а также из Франции и Голландии. Так, 23 июля 1943 г. в Майданеке насчитывались 4 710 евреев: 3 221 польский, 883 словацких, 449 греческих, 63 чешских, 51 французский, 28 литовских, 11 германских, 8 голландских и 5 сербских¹.

Наиболее крупные периоды депортаций, и соответственно, убийств в 1943 г.: конец апреля — середина мая (15 тыс. из Варшавского гетто), июнь-август (округ Замостье; впрочем, большинство были поляками, которых в рамках антипартизанских акций отправляли на трудовые работы в Германию) и август (ликвидация Белостокского гетто). 15 мая была зарегистрирована наибольшая численность еврейского населения: 17 527 евреев из общего количества узников в 24 791 человек. Были и исключительные случаи, когда людей снимали с эшелонов, идущих в лагеря смерти, и временно сохраняли жизнь как рабочей силе (например, 28 февраля 1943 г. 104 еврейские женщины, уже доставленные в Трешлинку, были переведены в Майданек; 4 марта из французского сборного лагеря в Дранси вышел поезд с 1003 евреями, конечным пунктом назначения был Собибор, однако 40 человек отправили в Люблин).

Убийства, особенно в первые месяцы, происходили вечером или ночью, а звук тракторного мотора заглушал крики. Значительное количество евреев было убито сразу по прибытии, однако отсутствие регистрации делает затруднительным точный подсчет. Селекции проводились или по прибытии на вокзал, или (что характерно для 1943 г.) непосредственно в концлагере на открытой

---

¹ Kranz T. Ibid. P. 29-31.

огороженной колючей проволокой площадке перед газовыми камерами, называемой «Садом роз» (Rosengarten). Узники часами ожидали участи. Во время ликвидации Варшавского гетто в апреле-мае 1943 г. лагерная администрация не справлялась с потоком, а потому обреченных могли держать днями под открытым небом на 2-м «междуполье»¹. Жизнь сохраняли здоровым мужчинам и женщинам в целях экономической эксплуатации. 16-летняя еврейка Рома Бен-Атар, прибывшая в Майданек 3 мая 1943 г., вспоминала, что женщин отделили сразу, и сама селекция происходила уже на территории «женского лагеря». Те, кому сохранили жизнь, должны были раздеться и ждать очередь в душ. Причем даже в это время некоторых выхватывали и отправляли на смерть. Процесс сопровождался издевательствами: «По обеим сторонам ходили немецкие солдаты, которые следили за теми, кого должны были отправить в газовые камеры. Это было ужасное зрелище: молодые солдаты приставали к голым женщинам, заставляя их бежать до потери сил и смерти; женщины, смущенные своей наготой, вместо того чтобы протестовать и сопротивляться, прикладывали все силы, чтобы максимально закрыть свои интимные части тела руками»². В этом плане Майданек был похож на Аушвиц и отличался от Собибора, Трешлинка и Белжеца, где убийства носили тотальный характер и временное исключение делалось только для тех, кто был нужен для обслуживания самой фабрики смерти.

Одними из первых жертв были евреи из концлагеря на Липовой улице и на Старом аэродроме. Затем в течение примерно двух месяцев ликвидировали гетто на Майдан Татарски, причем последние 3 тыс. узников, прибывшие 9 ноября 1942 г., в большинстве погибли в газовой камере, а их тела захоронили в Кремпецком лесу. Вероятно, именно с этим событием связан приказ О. Глобочника, чтобы все евреи, задействованные на производствах в Люблине, были перемещены 10 ноября в концлагерь³. Непосредственно транспортировкой занимались вахманы-травниковцы, о чем некоторые свидетельствовали на послевоенных судах⁴. По мере ликвидации

¹ Kranz T. Ibid. P. 50.

² Ben-Atar R., Ben-Atar D. What Time and Sadness Spared: Mother and Son Confront the Holocaust. Charlottesville, London, 2006. P. 100.

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 149. Д. 100. Л. 11.

⁴ Шнеер А. Указ. соч. С. 311-316.

гетто на оккупированных территориях СССР обреченных отправляли в т.ч. в Майданек. Например, в декабре 1942 г. здесь уничтожили часть узников Гродненского гетто, в мае 1943 г. — 4 тыс. человек из г. Броды, в сентябре — из гетто в поселке Ивье (Гродненская область) и оставшихся 276 евреев Могилевского гетто.

Разнообразный состав узников и жертв Майданека не позволяет остановиться на всех. Однако мы не можем не отметить, что здесь содержались и (или) погибли многие выдающиеся деятели культуры и политики своего времени: немецкий политик, депутат О. Эпштайн, известный австро-венгерский фабрикант Х. Фройд, люблинский драматург Я. Ваксман, художник-абстракционист О. Фрейндлих, импрессионист А. Мордкин, график-экспрессионист О. Оппенгеймер, польский историк И. Шипер, немецкий публицист Б. Альтман, австрийский композитор Э. Бахрих, польский художник М. Ринецкий, чехословацкий футболист З. Куммерманн и шахматист Э. Циннер, родственники советского иллюзиониста В. Мессинга. Все они были евреями.

Существовавший крематорий не мог справляться с таким потоком мертвых тел, потому их поначалу хоронили за пределами 5-го «поля» или в специальном овраге в 200 метрах от газовых камер, затем начали сжигать. Для того, чтобы грамотно организовать процесс, Э. Мусфельд был даже командирован в Аушвиц для изучения опыта. В вырытых рвах автомобильные шасси использовались в качестве своеобразной жаровни, на которую клали трупы вперемешку с дровами. Потом их обливали горючей жидкостью и поджигали. Во время массовых убийств весной-летом 1943 г., по свидетельствам очевидцев, тела горели день и ночь. Пепел смешивался с землей и использовался для удобрения сельскохозяйственных полей. Естественно, вся эта грязная работа легла на плечи упомянутой выше «зондеркоммандо». Ее состав к тому времени обновился: после бегства одного из военнопленных осенью 1942 г. всех его «коллег» умертвили, а взамен привлекли к этой грязной работе новых — порядка 20 немецких и французских евреев во главе с тем же Капо Фишером, которого вскоре заменил некий еврейский медик из Вены¹. Только весной 1943 г. было решено построить крупный крематорий на южной оконечности лагеря за пределами 5-го «поля». Он был закончен лишь осенью и мог сжигать до 1 тыс. трупов в сутки.

---

¹ Полян П. Жизнь и смерть в аушвицком аду... С. 66-67.

В отличие от других лагерей смерти в Майданеке не всегда убивали детей сразу по прибытии. В частности, в мае 1943 г. из Варшавы привезли 300 детей, многих со своими матерями. Их поселили в недостроенном бараке на 5-м «поле»: без отопления и настилов, дети и женщины спали на грязном полу, здесь же испражнялись. Сохранение жизни детям порождало надежды у узников, что нацисты не собираются всех уничтожить. На самом деле это решение объяснялось просто: газовая камера не имела высокой пропускной способности. Вскоре после прибытия нацисты распорядились уничтожить всех детей до 12 лет. Матерям разрешалось умереть вместе с ними. Также известно, что до августа 1943 г. были отравлены газом еще две группы еврейских детей (из Реёвец и Белостока).

Современные польские исследователи считают, что убийства в газовых камерах проходили до сентября 1943 г., отсылая к одному из октябрьских докладов (в нем упоминается, что уже 6 недель в газовых не происходили «акции газирования») и упоминая ликвидацию 16 сентября «зондеркоммандо», обслуживавшей процесс уничтожения¹. Впрочем, Э. Мусфельд в показаниях говорил, что последняя была уничтожена 3 ноября 1943 г. В дальнейшем эти помещения использовали для дезинфекции одежды, причем занимались этим еврейские заключенные: они должны были с банкой «Циклона Б» в руках войти внутрь, высыпать гранулы и успеть покинуть помещение до того, как газ начнет действовать. Впрочем, по другим данным, основанным преимущественно на свидетельствах узников (например, публикуемые далее воспоминания Сурена Константиновича Барутчева, написанные в начале 1945 г., другие заключенные, которые давали показания для Польско-советской чрезвычайной комиссии) отдельные акты умерщвления газом осуществлялись и весной-летом 1944 г. Их жертвами стали как минимум 834 еврея². Впрочем, никто из свидетелей не был — и не мог быть — непосредственным очевидцем метода убийств.

Прекращение конвейерных убийств газом связано с постепенным завершением «Операции Рейнхард». Принципиальное решение об этом Г. Гиммлер принял в марте 1943 г. после посещения Собибора и Трешлипки, полагая, что большая часть евреев Генерал-

¹ Kranz T. Ibid. P. 58.

² Encyclopedia of Camps and Ghettos... P. 877.

губернаторства и ряда других стран уже истреблена, а оставшихся можно будет эксплуатировать и убивать в таком крупном центре, как Аушвиц¹. В июле руководство СС решило превратить Собибор в обычный концентрационный лагерь. Однако это не отменяет того, что поезда с обреченными на смерть продолжали приходить сюда. 16 августа 1943 г. О. Глобочник покинул свою должность, отправившись бороться с югославскими партизанами. В конце года он представил финансовый отчет об убийстве евреев, в котором подробно перечислял награбленное имущество. Общие доходы оценивались в 170 млн рейхсмарок. В частности, казна получила 2,9 тыс. кг золота, 18,7 тыс. кг серебра, 15,1 кг платины, 1 миллион долларов США, а также 1901 вагон одежды, белья и пр. личных вещей, вывезенных в Германию. Место главного фюрера СС и полиции в Люблинском округе занял группенфюрер СС Якоб Шпорренберг.

Нельзя не отметить, что на протяжении 1943 г. становилось все сложнее обеспечивать спокойное перемещение евреев из гетто в лагеря смерти: в апреле восстало Варшавское гетто; 2 августа произошло восстание в Трешлинке, в ходе которого несколькими десяткам удалось бежать; в конце августа вооруженное сопротивление ликвидаторам оказали узники Белостокского гетто; 14 октября состоялось известное восстание в Собиборе во главе с советским офицером Александром Ароновичем Печёрским. Сложнее стало и с теми, кого на эшелонах отправлялся в центры уничтожения: участились попытки побегов и случаи сопротивления по прибытии. Потому многих узников депортировали абсолютно голыми.

Что делать с оставшимися евреями, окончательно ликвидировать или использовать как рабскую силу, — эти вопросы активно обсуждались в ээсовском руководстве. Окончательную точку поставил Г. Гиммлер, сделав выбор в пользу уничтожения. Считается, что решение было принято еще в августе 1943 г., но без обозначения точной даты. После восстания в Собиборе приготовления ускорились, т.к. нацисты опасались нарастания сопротивления, и рейхсфюрер СС принял решение о ликвидации евреев в Люблинском округе². В конце октября в Майданеке за пределами нового крематория были выкопаны рвы до 100 метров длиной и до 3 м глубиной.

---

¹ Arad Y. Ibid. P. 165-167.

² Ibid. P. 365.

Операция под кодовым названием «Праздник урожая» была назначена на 3 ноября. В ходе нее за два дня в Люблинском округе ликвидировали 48 тыс. евреев, из них примерно 18,4 тыс. в Майданеке в течение 3 ноября. При этом среди уничтоженных были и те, кто работал на различных предприятиях, включая DAW и VKW. Пощадили лишь небольшое количество «нужных евреев», в т.ч. 2 тыс. занятых на заводах военно-воздушных сил.

В Майданеке расстрелы начались рано утром. Лагерь был полностью окружен, для несения охраны привлекли силы местной полиции, эсэсовцев вызвали и из других мест, включая Аушвиц. Евреев выгоняли из бараков и по главной улице в колоннах (мужчины отдельно от женщин с детьми) вели к расстрельным ямам за пределы 5-го «поля». Как вспоминал позднее один из очевидцев, служивший в пригнанном полицейском батальоне, люди кричали, проклинали нацистов, называли их свиньями¹. Больных обреченные также были обязаны нести на носилках или вести под руки. Всех заставляли раздеться около специального барака, затем обнаженными вели к ямам через электрифицированную колючую проволоку и приказывали лечь на дно, после чего расстреливали. Далее ложились уже следующие жертвы. Естественно, многие были только тяжело ранены и умирали в тяжелых мучениях. Для того, чтобы заглушить выстрелы, в самом лагере через специальные громкоговорители включили музыку — вальсы, танго и марши. Участие в расстрелах для всех чинов было добровольным. За это они получила алкоголь и дополнительные сигары. Наибольшую активность проявляли травниковцы. Один из польских заключенных, оставивший воспоминания в 1947 г., писал, что у расстрельных ям евреев ждали «плосколицы калмыки, латыши, литовцы, хорваты. Только один из десяти был чистокровным германцем»². Некоторые еврейские узники пытались спрятаться, однако позднее их находили и убивали. Врачи-заключенные словак Отто Райх и поляк Влодзимирж Задзевич были расстреляны за укрывательство. Небольшое число еврейских женщин, доставленных из лагеря у Старого аэродрома, свели в специальную команду, которая занималась разборкой вещей убитых. В апреле 1944 г.

¹ Mailaender E. Ibid. P. 169.

² Kranz T. Ibid. P. 67.

их отправили в Аушвиц, где и умертвили. Тела 18,4 тыс. расстрелянных нацисты сожгли в огромных ямах, процесс растянулся до Рождества¹. Эта была самая крупная акция уничтожения в Майданеке.

МАЙДАНЕК КАК КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ

Вернемся в 1942 г. Именно с именами преемников К.О. Коха на должности коменданта связан «расцвет» Майданека как места не только уничтожения, но и эксплуатации. Сначала его должность занял 47-летний оберштурмбанфюрер СС М. Кёгель. Участник Первой мировой и «пивного путча», он достаточно рано присоединился к нацистскому движению, а в 1929 г. вступил в СС. В системе концлагерей он начал службу еще в 1933 г., достаточно быстро продвигаясь по службе. В 1940 г. М. Кёгель стал комендантом женского концлагеря Равенсбрюка, заслужив репутацию хорошего организатора. Неудивительно, что именно его поставили на место К.О. Коха. При нем шутцафтлагерфюрером был гауптшарфюрер В. Виммер. В конце ноября 1942 г. на место М. Кёгеля был назначен 48-летний штурмбаннфюрер Г. Флорштедт. Он родился в военной семье, участвовал в Первой мировой, в 1917 г. на русском фронте попал в плен и даже женился на русской. После возвращения жил в Германии, пытался заниматься бизнесом. В 1931 г. вступил в ряды СС, с самого начала участвовал в проведении политики террора, с 1939 г. служил в Бухенвальде и ряде других концлагерей. Отличался неуравновешенностью, жестокостью, причем из-за надменности не пользовался уважением сослуживцев. При нем в феврале 1943 г. шутцафтлагерфюрером был назначен печально известный А. Туманн, которого заключенные характеризовали как исключительного садиста: нередко пьяный, он получал удовольствие от участия в экзекуциях и убийствах. Заключенные трепетали перед ним и называли «Богом Майданека». Как писал позднее поляк Игорь Неверли, бывший секретарь легендарного доктора Я. Корчака: «говорили, что ему нездоровится, если он перед завтраком, натошак, никого не убьет»².

¹ Mailaender E. Ibid. P. 179.

² Неверли И. Живая связь // Иностранная литература. 1978. № 3. С. 237.

На протяжении всего 1942 г. Майданек находился в процессе стройки. После массового побега 14 июля была усилена его охрана: в ограду вокруг каждого «поля» вмонтировали колючую проволоку под электрическим током, а 4-метровую полосу перед нею усыпали щебнем из белого камня. Сам же лагерь имел два кольца сторожевых постов, находившихся перед внешней оградой из колючей проволоки. Ночью и в туман территория освещалась прожекторами с вышек, которые окружали каждое «поле». С западной стороны рядом с баней и крематорием появились мастерские (столярная, сапожная, кузница, электротехническая и швейная). На северо-востоке, между лагерем заключенных и дорогой на Хелм, в июле 1942 г. начали строить административные здания. Основной комплекс был закончен к весне 1943 г. и включал бараки для охраны, офицеров, казино, столовую, а также гараж и вспомогательные постройки. В начале 1943 г. на первом междуполье малый крематорий был преобразован в прачечную и сушильню. Летом, опасаясь нападений партизан, с юго-востока были вырыты блиндажи¹. После постройки нового крематория выделяемое тепло от сожженных тел использовали для подогрева воды.

Конечно, условия жизни «улучшались» вовсе не из-за гуманизма нового коменданта, это стало отражением понимания того, что исключительно насильственными методами повысить экономическую продуктивность невозможно. 28 декабря 1942 г. Р. Глюкс разослал всем комендантам указание, в котором доводил требование рейхсфюрера СС о снижении смертности в концлагерях, поскольку общая статистика с точки зрения экономики была удручающей: за июнь-ноябрь прибыли 110 тыс. узников, в то время как умерли 80 тыс., причем 70,6 тыс. от болезней². Конечно, эта статистика не учитывает евреев, уничтожаемых в рамках «окончательного решения».

Как правило, в каждом лагере принимали собственные меры воздействия, которые могли варьироваться и обычно включали: увеличение пайка для наиболее отличившихся, разрешение писать домой, отращивать волосы и посещать специально создаваемые бордели. В Майданеке все обстояло куда проще: в бараках продолжали появляться нары, в 1943-1944 гг. увеличилось количество ла-

¹ Муравская-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 16.

² Вахсман Н. Указ. соч. С. 403.

заретов на разных «полях» (включая 6 бараков на женской части). Впрочем, лечения там фактически не было. Осенью 1942 г. начали строительство канализации и закончили через год, т.е. фактически менее чем за год до ликвидации лагеря в бараках появились туалеты и умывальники. До этого вопрос личной гигиены решался подручными средствами: летом умывались водой, выдаваемой во время приема пищи, зимою топили снег. Самое парадоксальное заключается в том, что руководство лагеря не просто способствовало возникновению эпидемий и гибели потенциальных рабочих (за счет сдачи «в наем» приносивших прибыль), но и ставило в опасное положение охранный персонал, поскольку инфекционные болезни, конечно же, не знали расовых теорий, а потому нередко передавались самим эсэсовцам, контактирующим с заключенными. Например, глава канцелярии женского лагеря Гермина Браунштайнер в 1943 г. 5 месяцев в совокупности провела в госпитале, переболев дизентерией и желтухой. Другая надзирательница, Хильдегард Лэхерт, подцепила брюшной тиф. Среди других сотрудников администрации, переболевших тифом, можно назвать оберштурмфюрера (оберлейтенант) Арнольда Штриппеля и доктора СС Роберта Зайтца¹.

Пожалуй, одной из главных мер по улучшению быта стало разрешение, правда, только для польских заключенных принимать посылки с едой. Еще в октябре 1942 г. вышло соответствующее распоряжение Г. Гиммлера, однако в Майданеке оно было принято к исполнению только в следующем году. Через Польский Красный Крест узники получили более 105 тыс. продовольственных посылок и 51,8 тыс. кг продуктов для всех. Одновременно Польский Комитет опеки, который находился под патронажем Главного опекунского совета, поставил в лагерь значительные запасы продовольствия (128 тыс. кг хлеба, 6,3 тыс. кг гороха и пр.). Посылки отправляли и другие организации, а также частные лица². Впрочем, при пересчете на одного узника речь идет о весьма скромных порциях, при этом продукты активно воровали эсэсовцы, а капо могли насильно лишать подчиненных пайков. Пытаясь облегчить положение сограждан, благотворители при этом сокращали издержки на содержание лагеря и тем самым способствовали нацистской политике эксплуатации рабского ресурса.

¹ Mailaender E. Ibid. P. 119-121.

² Муравская-Грынь З., Грынь Э. С. 47.

Мы хотим особо подчеркнуть косметический характер подобных мер по улучшению условий заключения, которые с трудом могли изменить реальное положение узников. Об этом свидетельствует доклад О. Поля Г. Гиммлеру, согласно которому в августе 1943 г. из всех концлагерей, подведомственных отделу D, самая высокая смертность была в Майданеке¹. Для сравнения смертность зарегистрированных узников в Дахау была 0,32%, в Маутхаузене — 1,62%, в то время как в Майданеке — 2-3%².

В условиях затяжной войны против СССР и массовых мобилизаций все более остро вставал вопрос о подпитке рабочим ресурсом военного сектора экономики. Уже в конце октября 1941 г. на это обратили внимание военные, например, генерал Вейганг писал в аналитической записке: «Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии»³. В феврале 1942 г., вскоре после поражения под Москвой, комиссаром по рабочей силе был назначен Фриц Заукель. До конца года 2,7 млн человек с оккупированных территорий (включая 1,3 млн советских граждан) были вывезены в Германию. В ноябре 1942 — августе 1943 гг. О. Глобочник руководил также «Большой операцией», в ходе которой 110 тыс. польских крестьян Люблинского округа была депортирована в пределы Рейха для принудительных работ⁴.

Поиск новых источников рабской рабочей силы для увеличения экономической составляющей системы концлагерей стал одной из ключевых причин, почему в 1942-1943 гг. в Майданеке произошло расширение различных категорий узников, прежде всего за счет поляков и граждан СССР. Некоторые из них были оставлены здесь, для других это была лишь временная остановка перед отправкой дальше на запад. Благодаря этому численность заключенных выросла: летом 1943 г. она составляла около 23 тыс.

---

¹ Вахсман Н. Указ. соч. С. 408.

² Грынъ Э., Муравска З. Указ. соч. С. 43.

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 148. Д. 15. Л. 15.

⁴ Гжесик Ю. Указ. соч. с. 151.

человек, что сделало лагерь третьим по величине после Аушвица и Заксенхаузена¹.

Как видно из вышесказанного, одним из главных источников рабской силы было еврейское население: Майданек работал не только как лагерь уничтожения, но и место эксплуатации и перераспределения. Кроме того, в октябре-ноябре 1942 г. нацистским руководством было принято решение, что советские и польские заключенные из тюрем, подведомственных министерству юстиции, должны быть переданы в концлагерь СС². С ноября 1942 г. по лето 1943 г. общее количество переданных составило 200 тыс. Эта мера напрямую затронула Майданек: 14 декабря 1942 г. Г. Гиммлер распорядился, чтобы польских политических заключенных отправляли в Майданек. Первый транспорт в 1,2 тыс. человек прибыл 8 января 1943 г. До конца месяца двумя эшелонами привезли еще несколько тысяч человек, следующие депортации были уже в марте. Всего до конца года в концлагерь Люблин отправили 6 тыс. политических польских узников, последний эшелон пришел 9 декабря.

Польские заключенные содержались на общих условиях, однако их положение все же отличалось, хотя бы из-за права получать посылки. Более того, в отличие от евреев или военнопленных они могли теоретически надеяться на свободу. Так, по существующим данным 2 тыс. были отпущены благодаря поддержке Польского Красного Креста и Главного совета благосостояния. Депортации поляков привели к изменению «этнического баланса»: если в 1942 г. подавляющее большинство были евреями, то, например, в августе 1943 г. они составляли 56%, а поляки — 24%³. Отдельно в феврале в четырех бараках 4-го «поля» создали специальный лагерь для польских заложников, который подчинялся криминальной полиции. Впрочем, это мало влияло на их реальное положение⁴. Отметим, что непредвиденным последствием стало образование в Майданеке политического подполья, которое установило связи с партизанами и регулярно передавало сведения о происходящем внутри лагеря.

В начале 1943 г. в Майданек начали депортировать население оккупированных территорий СССР. Во-первых, это были заклю-

---

¹ Encyclopedia of Camps and Ghettos... P. 877.

² Buggeln M. Ibid. P. 23.

³ Encyclopedia of Camps and Ghettos... P. 877.

⁴ Муравская-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 23.

ченные тюрем той части оккупированной Украины, которая вошла в состав Генерал-губернаторства. Например, в январе-апреле из тюрьмы гестапо на улице Лонцкого во Львове сюда перевели 2,4 тыс. узников, из Станиславова — 700. Общее количество депортированных историками оценивается в 17 тыс. человек, причем среди них преобладали этнические украинцы, русские и белорусы¹. Вторая категория — мирное население партизанских районов. Польские исследователи указывают, что только за май-август через Майданек прошли 11,5 тыс. человек, преимущественно женщин и детей². В отличие от большинства евреев их не отправляли сразу же в газовые камеры: женщины работали внутри лагеря, дети находились в бараках. Так, с марта 1943 г. по апрель 1944 г. в Майданек прибыли 5 тыс. интернированных граждан Белоруссии, в основном из Витебского района. Как правило, их задействовали на работах в лагере и за его пределами.

6-летний Александр Петров вместе с матерью из Суражского района Белоруссии попал в концлагерь в мае 1943 г. По прибытии людей рассортировали: женщин с детьми, от которых отделили стариков, отправили в душ. «Было большое скопление людей. Везде шмыгали одетые в немецкую форму женщины. Немцы спешили. Маму мою и тетю Фрузу одели в полосатую одежду — одежду немецких рабов. Нас, детей и бабушку, одели в гражданскую одежду», — вспоминал он позднее. В то время как его мать работала на сельскохозяйственных полях, сам Александр оставался в бараке. Самое главное воспоминание о заключении в Майданеке — голод. Приходилось бегать в барак к польским заключенным, которые получали посылки с продуктами. Иногда матери удавалось тайно пронести отдельные овощи: «Однажды, когда я был рядом с колючей проволокой, мимо проезжали польские рабочие на велосипедах. Один из них остановился и бросил мне пшеничную плюшку с маком. Так и остался в моей памяти аппетитный вкус этой булки»³. В дальнейшем мать познакомилась с некоей польской заключенной Иреной, которая, до того, как ее выпустили, не

¹ Муравская-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ Петров А.А. Пережитое в лагере уничтожения Майданек // Непридуманные рассказы о войне. 2010. 8 марта. URL: <http://www.world-war.ru/perezhitoe-v-lagere-unichtozheniya-majdanek/> (дата обращения: 15.10.2019).

только подкармливали их, но и смогла дать Александру хорошие ботиночки и брюки.

Во многом схожи и воспоминания Светланы Максимовны Шандаловой. В августе 1943 г. ее семья из-за связи с партизанами была депортирована в Майданек: «Был очень строгий режим, наблюдали за ним немки в форме, осыпавшие ударом палок или плеток за все: не так стоишь, не там стоишь, не туда пошел, не так взглянул. Женщин угоняли на работы за ворота, нас оставляли в бараке под присмотром одной из матерей. Мы должны были тихо и неподвижно сидеть на полу, не подавая голоса, не просить есть и пить». Показательны и самые приятные воспоминания: мать сумела добыть соли и сыпала детям на язык как лакомство; мать с работ в поле сумела принести капустный лист; некая полька получила посылку и угостила куском хлеба с маргарином¹.

Осенью 1942 г. в Майданеке создали женский лагерь, тем самым он стал одним из 13 лагерей СС, где существовали подобные зоны. Их отличие заключалось в том, что охраной занимался специально подобранный женский персонал (3 508 человек на январь 1945 г.), он же контактировал с заключенными. Г. Гиммлер полагал, что подобное гендерное разделение будет способствовать поддержанию порядка в концлагерях и позволит избежать сексуальных контактов между мужчинами-охранниками и женщинами-заключенными. Официально надзирательницы занимали должность SS-Aufseherinnen, и их нельзя путать с административными работницами. «Ауфзеерки», как их прозвали заключенные, не были членами СС, а находились на гражданской службе, составляя вспомогательные подразделения. Учтывая, что многие будущие надзирательницы происходили из бедных семей и обладали низким уровнем образования, то работа в системе СС обладала в их глазах многими преимуществами: повышенная оплата труда, государственные гарантии и рост социального статуса.

Приказ о создании «женского лагеря» поступил еще летом 1942 г. 1 октября прибыла первая группа из 136 женщин-узниц, в середине месяца — первые надзирательницы из Равенсбрюка.

---

¹ Малолетние заложники бесчеловечной войны: живые свидетельства Беларуси / сост.: Г.И. Змушко, Л.И. Щеникова; под ред. К.И. Козака. Минск, 2011. С. 133. URL: http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/sites/default/files/materials_for_teachers/kniga_maloletnie_uzniki_voyny_1941-1945_gg._.pdf/ (дата обращения: 15.10.2019).

Всего за 1,5 года существования этого подразделения, по подсчетам Э. Майлендер, здесь прошли службу 28 «ауфзеерок»¹. Сотрудники советской Чрезвычайной государственной комиссии на основе трофейных документов составили список на 38 надзирательниц². Согласно этим данным, 28 из них были 1917–1923 гг. рождения, т.е. на момент службы в Майданеке им было не более 26 лет. Многие рассматривали перевод на восток в качестве наказания, будь то упущения по службе, слишком мягкое отношение к заключенным или конфликты с мужским персоналом. После обустроенной жизни в Равенсбрюке, находившемся сравнительно недалеко от Берлина, немногие хотели оказаться на самом востоке оккупированной Польши, в непривычном климате, в пока еще строящемся, грязном концлагере, который постоянно сотрясают эпидемии заразных болезней. На послевоенных процессах бывшие надзирательницы жаловались на плохую погоду, а также на ужасные условия размещения: если в Равенсбрюке каждая из них имела свою комнату, то здесь их поселили всех в одном бараке³.

Первоначально женщин-заключенных использовали на швейных работах на Старом аэродроме, здесь же жили и их надзирательницы. Только в начале 1943 г. женский лагерь разместили сначала на 5-м «поле», а в сентябре 1943 г. его перевели на 1-е «поле». В марте этого же года надзирательниц переместили в специально построенный для них барак, недалеко от душевых и 1-го «поля». Старшей надзирательницей стала Эльза Эрих (подчинялась шухафтлагерфюреру), заведующей канцелярией — Гермина Браунштайнер.

Первыми заключенными были не только еврейки, но и польки. Большинство — политические заключенные, однако некоторые оказывались за колючей проволокой в ходе облав. Известный психиатр Дж. Холлис рассказывал историю одной пациентки, полячки, которую схватили во время зачистки еврейского населения, и, несмотря на все протесты, отправили в Майданек (вероятно, это произошло осенью 1942 г.). Немецкий офицер поверил ее доводам и сохранил жизнь, заставив отвести в газовую камеру двух маленьких детей. Однако не желая, чтобы свидетель мог рассказать

¹ Mailaender E. Ibid. P. 30.

² ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 10. Л. 1-2.

³ Mailaender E. Ibid. P. 114-118.

об акциях уничтожения, он оставил ее в лагере среди рабочих¹. Затем по мере депортаций из СССР увеличилось число советских граждан. Всего на середину 1943 г. здесь насчитывалось 7,8 тыс. женщин.

Женского охранного персонала постоянно не хватало: в начале декабря 1942 г. на более 2 тыс. узниц приходились только 10 человек охраны, причем 2-3 женщины были больны. В мае ситуация была не лучше: 17 «ауфзеерок» следили за более чем 7 тыс. женщин. До конца существования лагеря ситуация кардинально не изменилась, на 15 декабря 1943 г. здесь проходили службу 19 надзирательниц². Впрочем, отдельные откровенно волонтаристские попытки предпринимались: так, еще в феврале 1943 г. Главное административно-хозяйственное управление разрешило призывать на вспомогательные службы жен охранников. 1 марта 1943 г. Г. Флорштедт выпустил соответствующий приказ, чтобы бездетные жены всех эсэсовских охранников поступили на службу в качестве надзирательниц. Впрочем, из этого ничего не вышло, в т.ч. и по той причине, что многие жены были из числа *Volksdeutsche*, к которым на практике относились как к немцам второго сорта³.

Продолжая говорить о различных категориях узников, мы не можем не упомянуть, что 6 января 1943 г. Гиммлер приказал создать лагерь для детей и молодежи оккупированных территорий. О. Поль распорядился организовать его в Майданеке. Для этих целей выделили 5-е «поле», однако в конечном счете из этой затеи ничего не вышло. В мае и августе 1943 г. еврейские дети, жившие на «женской зоне», были все умерщвлены. Вероятно, именно в это время детей другой этнической принадлежности решили изолировать в отдельном бараке. Бывший узник А.А. Петров вспоминал: «Помню, как немцы стали отделять нас, детей, от наших матерей в отдельный барак. До сих пор стоят у меня в глазах истощенные детские худенькие тельца в этом отдельном бараке. У некоторых детишек от крайнего истощения вываливалась прямая кишка, и блокеры постоянно вправляли этим несчастным прямую кишку на место. Они умирали часто — эти мальчики и девочки»⁴.

¹ Холлис Дж. Душевные омуты. М., 2008. С. 23-30.

² ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 10. Л. 255.

³ Mailaender E. Ibid. P. 150.

⁴ Siwek-Ciupak B. Majdanek. A Historical Outline. Lublin, 2014. P. 15.

Белорусских детей 8-12 лет также свели в специальные команды, задействовав на земельных работах. Впрочем, за это им назначили двойную порцию хлеба и супа¹. В конечном итоге все они были перенаправлены в специальный детский лагерь под Лодзью.

Стоит отдельно отметить, что Майданек функционировал не только как лагерь для заключенных. Весной 1943 г. на 2-м «поле» несколько бараков были отведены для создания больницы, где лечились коллаборационисты с оккупированных территорий СССР. Их положение было намного лучше, нежели самих узников, а сами они могли, вероятно, служить и кадровым резервом для охраны².

Советские военнопленные прибывали сюда небольшими группами на протяжении 1942-1943 гг. Для одних это была временная остановка на пути в другие концлагеря, другие размещались постоянно на 2-м «поле». Вероятно, после массового побега июля 1942 г. нацистское руководство опасалось содержать здесь советских военнослужащих. Путь в Майданек мог быть совершенно разным. Например, 20-летний красноармеец Михаил Никифорович Пентегов попал в плен в августе 1943 г. под Ленинградом. Через Вильнюс и Восточную Пруссию вместе с 300 другими людьми он прибыл в Майданек 10 декабря 1943 г. и находился здесь до освобождения. Он свидетельствовал о скудном питании, благодаря которому дошел до веса в 40 кг с одеждой³. В начале 1944 г. из шта-лага в Хелме сюда прибыла группа из 50 женщин-военнопленных в качестве наказания за отказ работать на благо Рейха⁴.

На протяжении всего 1942 г. концлагеря СС не играли значимой роли в поддержании военной экономики, только в сентябре А. Шпееру удалось убедить А. Гитлера в том, что выгоднее привлекать заключенных уже на имеющиеся производства, нежели строить военные заводы в самих концлагерях. В результате территория, подвластная нацистам, стала постепенно покрываться широкой сетью относительно небольших лагерей-филиалов⁵. Так, в октябре 1942 г. у нацистского руководства родилась идея перевести промышленные производства из Варшавского гетто в район Люблина. Для этого

¹ Грынь Э., Муравска З. Указ. соч. С. 46.

² Муравская-Грынь З., Грынь Э. Указ. соч. С. 23.

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 149. Д. 37. Л. 10 об — 11.

⁴ Никифорова А. Это не должно повториться. М., 1958. С. 6-11.

⁵ Buggeln M. Ibid. P. 21-23.

в марте 1943 г. была даже основана Восточно-промышленная компания (Ostindustrie), через которую шла прокачка денег: заключенные различных концлагерей, включая Майданек и Старый аэродром, работали на ее предприятиях. В начале 1943 г. Гиммлер распорядился переместить в Майданек 15 тыс. евреев, а к 15 февраля закончить с перевозкой заводов. Однако эти сроки были нереальны, а в апреле, как известно, в Варшавском гетто вспыхнуло восстание. Его итогом стал полный разгром гетто, на месте которого был основан трудовой концлагерь. До конца июня 45 тыс. евреев были отправлены в Люблинский район (включая Майданек), где они оказались в распоряжении О. Глобчника. Многим временно сохранялась жизнь для того, чтобы работать на эсэсовских производствах.

Сфера применения рабского труда была разнообразной. Например, одни для DAW производили снарядные ящики, различную фурнитуру, деревянную обувь, латали военную униформу. Рабы Ostindustrie создавали щетки, корзины, были задействованы в работах по металлу и починке авиационных деталей. Компания Bekleidungswerke занималась сортировкой вещей убитых узников лагерей смерти. Среди других учреждений, которые привлекали рабочую силу заключенных, были сельскохозяйственный центр Люблина, производители молока, жандармское бюро, управление железных дорог. За каждого сданного в наем узника администрация получала деньги, суммы которых варьировались. До конца 1942 г. каждый узник приносил дохода 0,3 марки в день. Затем неквалифицированного рабочего сдавали за 0,5 марки, квалифицированного — 1,5 марки. С июля 1943 г. ввиду инфляции расценки были увеличены до 3 и 4 марок соответственно¹.

Как видно, вклад Майданека именно в военную экономику был минимальным. Превратиться в крупный военно-производственный центр он так и не смог. Причина объяснялась просто: недостаточное количество военных предприятий вокруг Люблина, где можно было бы использовать рабский труд. При этом заключенных Майданека изымали в пользу более эффективных концлагерей: только в 1943 г. как минимум 12 составов с людьми были отправлены в Германию для пополнения состава Бухенвальда, Флоссенбурга, Заксенхаузена, Гросс-Розена и Нойенгамме, а также Равенсбрюка.

---

¹ Грынъ Э., Муравска З. Указ. соч. С. 37.

Однако это вовсе не значит, будто Майданек не приносил никакой экономической пользы. Прежде всего, она была связана с той ролью, которую он играл в ограблении убиваемых евреев и сортировке их вещей, причем в пользу Рейха у убиваемых «реквизировались» даже волосы. С сентября 1942 г. по июнь 1944 г. Майданек поставил 730 кг волос компании Forst Dye Works, которая базировалась в Нижней Лужице (исторический регион земли Бранденбург). Их использовали для производства носков для подводников и железнодорожников. Правда, общий доход концлагеря оказался ничтожным — 365 рейхсмарок. И даже после прекращения здесь массовых убийств, как показывал замначальника вещевого склада Г. Фогель, только в 1944 г. в он лично отправил в Германию 18 вагонов одежды и обуви¹. Кроме того, узников широко использовали на работах, связанных с тыловым обеспечением войск СС (например, строительство спортивного стадиона гарнизона СС).

Мы не можем в рамках данной статьи подробно остановиться на всех узниках, однако должны указать на наиболее знаковых. Из числа советских военнопленных наиболее известен генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев, который находился здесь непродолжительное время. Менее известен полковник Тимофей Яковлевич Новиков: в качестве командира полка он принимал участие в первых приграничных боях 1941 г., сумел выйти из окружения. Уже летом 1942 г., командуя дивизией, он попал в плен во время боев на Сталинградском направлении. Непродолжительный период находился в Майданеке, погиб во Флоссенбюрге в декабре 1944 г. Некоторое время в Майданеке содержались польский актер Я. Дзевоньский, советская подпольщица Н.К. Гулуева, украинский историк Б.А. Тимошук, советский археолог-нумизмат В.В. Зварич, будущий профессор медицины, исследователь рака и сахарного диабета Р. Врба, всемирно известный педиатр М. Михалович, ректор Варшавского политехнического института К. Дреновски, историк литературы К. Кольбушевски, польский политик князь К. Радзивилл. В качестве интересного примера можно привести И.И. Вонсовича. Польский дворянин, он был депутатом 3-й Государственной Думы Российской империи, во время первой германской оккупации в годы Первой мировой

---

¹ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 37. Л. 10.

активно сотрудничал с новыми властями, однако в период Второй мировой стал участником Сопротивления (собирал деньги для Армии Крайовой). Депортирован в Майданек осенью 1942 г. и умер в начале марта следующего года.

Другая известная фигура — униатский священник из Украины Емельян Корч, который спасал евреев во время нацистской оккупации Западной Украины, за что был отправлен в Майданек 31 августа 1943 г. Его содержали на 3-м «поле» и привлекали к различным строительным работам, что фактически означало медленную смерть. При этом Е. Корч не бросил пастырского служения, а в тайном письме сообщал: «Я знаю, что Вы предпринимаете усилия, чтобы освободить меня. Но я прошу Вас не беспокоиться по этому вопросу... Я благодарен Богу за его любовь. Помимо небес это единственное место, где я хотел бы быть сейчас. Мы все равны — поляки, евреи, украинцы, русские, латыши и эстонцы. И я здесь единственный священник... Здесь я чувствую присутствие Бога — одного Бога для всех нас, несмотря на все религиозные различия, нас разделяющие. Возможно, между церквями есть различия, но есть в то же время и всемогущий Бог, который правит всеми ими. Они молятся на разных языках — но разве Бог не понимает все эти языки? Они умирают своими смертями, и я помогаю им вплоть до того, как они переступят порог смерти». Е. Корч умер весной 1944 г. В 2001 г. он был беатифицирован Папой Римским Иоанном Павлом II. За два года до этого к лику святых был причислен и другой погибший узник Майданека, а именно польский католический священник Роман Архутовский.

МИРЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Несомненно, жизнь заключенных определялась жестким террористическим режимом лагеря: лишение человека собственной личности и человеческого подобия было направлено на поддержание дисциплины. В условиях относительной малочисленности охраны жестокость и террор, вплетенные чуть ли не в каждый элемент повседневных практик, виделись охранниками и администрацией ключевым механизмом поддержания дисциплины и предотвращения сопротивления. Так, сразу по высадке из поезда

будущих узников часто подвергали избиениям, все предстояло делать «бегом», дабы не оставалось времени на размышления. По прибытии у них отбирали личные вещи, затем их обривали. После этого гнали в баню и производили дезинфекцию, это подразумевало окунание в чан с водой и дезинфекционным средством. Естественно, это было пародией, поскольку содержимое чана меняли редко. Затем выдавали лагерную одежду: кепки, брюки и пиджак в бело-синюю полоску, деревянные ботинки (зимою — легкий плащ). Одежда обычно не подходила по размеру, зачастую была рваной и даже испачканной экскрементами. Отметим, что если вещи евреев реквизировались сразу, то у поляков они, наоборот, описывались, официально хранились и могли выдаваться в случае освобождения (впрочем, наиболее ценное все равно «пропадало»). Учитывая, что большинство заключенных работали за пределами лагеря, отличительный внешний вид должен был препятствовать успешным побегам, равным образом как и в деревянной обуви сложно быстро бежать. Исходя из этой же логики, заключенным выдавалась грязная, порванная, подобранная не по размеру одежда, хотя в последней недостатка, конечно же, не было, если принять во внимание ту роль, которую Майданек играл в ограблении сотен тысяч евреев.

Деперсонализация, лишение собственной личности — ключевая практика концлагеря. Вместо имени узник получал номер, его на белом клочке материи пришивали на грудь и к брюкам. По нему лагерное руководство обращалось к заключенному. Кроме того, на шею носился металлический жетон. В случае смерти он облегчал бюрократический учет. Как и в других концлагерях, применялась достаточно жесткая система выстраивания иерархии заключенных, ставшая фактически реализацией принципа «разделяй и властвуй». Узники нашивали цветные треугольники, которые обозначали их категорию. Красные — для политических, зеленые — уголовники, асоциальные элементы — черные, Свидетели Иеговы — фиолетовые. Буква в центре треугольника означала национальность. Евреи носили красный и желтый треугольник, которые пересекались друг с другом и образовывали звезду Давида. Заложников метили красными прямоугольниками, а у советских военнопленных на одежде масляными красками были вырисованы большие буквы SU («Советский Союз»). По данным польских исследователей, у некоторых немецких заключенных

треугольники были без букв и носились они острием наверх (у остальных — вниз)¹.

Другой важной практикой, как отмечалось выше, стало создание многоуровневой системы «лагерного самоуправления», участники которого могли иметь различные привилегии (от дополнительного пайка до алкоголя, возможности воровать и даже посещать бордели). При этом сами капо также постоянно находились под угрозой разжалования, а потому должны были выказывать особое служебное рвение. Например, одной из наиболее распространенных практик стали телесные наказания: удары палкой (от 25 до 50) и подвешивание на столбе за руки. Хотя еще в 1942 г. О. Поль предписывал, что избиение должно быть крайним наказанием, когда все остальные меры воздействия не оказали влияния², в действительности на местах считали иначе. Удары налагались за различные провинности: изорванная одежда, общение с гражданскими специалистами, медленная работа, неснятые шапки при встрече с эсэсовцем и пр. Обо всех тонкостях лагерного распорядка узников не инструктировали, благодаря этому насилие, которое охранники считали оправданным, выглядело для узников как совершенный произвол. Как правило, наказания приводились в действие во время вечерней поверки, причем зачастую исполнителями их были капо. В женском лагере избивали сами надзирательницы. Постепенно заключенные учились разделять исполнителей по силе ударов. Так, в женском лагере Г. Браунштайнер, Х. Лэхерт и А. Орловски считались наиболее жестокими экзекуторами, Анна Давид — более гуманной, а Х. Брюкнер вообще прозвали «жемчужинкой»³. Официально разрешение на телесные наказания должен был запросить комендант в отделе D Главного административно-хозяйственного управления, хотя, конечно, это делалось постфактум и было не более чем бюрократической условностью. Но внешне это создавало образ тотального контроля и управления всей системы концлагерей. В некоторых случаях за провинности рядовых заключенных эсэсовцы наказывали капо, чтобы уже затем те отыгрались на своих подчиненных. Особенно активно нацисты поддерживали межэтнические конфронтации,

¹ Муравска-Грын З., Грынь Э. Указ. соч. С. 40.

² Mailaender E. Ibid. P. 208–209.

³ Mailaender E. Ibid. P. 219, 237.

в том числе заставляя представителей одних групп становиться исполнителями экзекуций над представителями других. Подобные практики, утвержденные официальными инструкциями, существовали и в других концлагерях.

На первое время заключенных помещали в карантин во избежание распространения заболеваний, хотя, учитывая общее санитарное положение, вряд ли именно это было главной целью. Карантин подразумевал отсутствие работы, вместо которой узники подвергались муштре: их заставляли строиться, снимать и одевать шапки одновременно по приказу начальства. Естественно, все это сопровождалось избиениями и другими видами издевательств. Задача была простой — сломать человека морально.

День начинался в 5-6 часов утра с уборки барачков, приведения в порядок постелей, а также быстрым завтраком на улице. Затем наступало время утренней проверки, причем на ней должны были быть и больные, и умершие за ночь. Все строились перед своим барачком в шеренги по пять человек. После нее заключенных распределяли по рабочим командам, которые выполняли те или иные виды работ. После полудня был обед, затем заключенные возвращались на работу, которая длилась до 6 вечера (зимой — до 16.30). После была очередная проверка, которая могла продолжаться несколько часов, несмотря на погоду. Затем ужин и отбой.

Сами работы различались по степени тяжести. Естественно, наиболее желанной являлась работа в помещении, наиболее тяжелой — в строительных бригадах. Порою люди могли доходить до истощения. Так, бывший узник С. Висневский вспоминал: «Группы возвращавшиеся с работы тянули на санях кучи трупов, еще живых вели под руки. Впущенное за ворота, все это ползло к барачкам, руками и ногами цепляясь за обледеневшую площадь. Некоторым удавалось добраться до барака, подняться, прислоняясь к стенке, но недолго они могли удержаться на ногах»¹.

Голод был основным чувством заключенных. Дневной рацион в целом был недостаточен и составлял около 1 тыс. калорий: минимум для выживания. Причем выделяемые продукты воровала администрация, а из приготовленного лучшее оставалось различным капо. На завтрак обычно была баланда и эрзац-кофе, на обед — суп с овощами, на ужин опять баланда. Также они могли

---

¹Грынъ Э., Муравска З. Указ. соч. С. 36.

получить 300 граммов хлеба и кофе. Дважды в неделю полагались 50 граммов сахара, мармелада или сыра низкого качества. Впрочем, судя по описаниям выживших конкретное содержание питания варьировалось в разные годы, однако никогда оно не было достаточным. До осени 1943 г. вне зависимости от погоды заключенные должны были питаться на улице.

Одна из особенностей нацистских лагерей — это контраст. Жесточайшие убийства 3 ноября 1943 г. совершались под музыку. В условиях массовых убийств и насилия нацисты стремились создавать видимость порядка. Упомянувшийся выше А. Петров вспоминал о прибытии в Майданек: «Помню проходную с фашистами и собаками. Около проходной — чистота, растут маргаритки <...> Немцы были очень чистоплотны — у всех, кто был в лагере, не было ни одной вши. Немцы аккуратно в газовых камерах прогазовывали нашу одежду для профилактики. Немцы любили и чистоту и порядок. Вокруг лагеря цвели маргаритки. И точно так же — чистенько и аккуратно — немцы уничтожали нас»¹. При этом человеческая жизнь не стоила ничего. Как говорил один из охранников Майданека: «Никого уже не удивляло, если кто-нибудь их охраны пристреливал заключенного или же забивал его до смерти»². Красноармеец М.Н. Пентегов в августе 1944 г. свидетельствовал: «Я случайно был свидетелем одной жуткой картины, которая произошла на моих глазах. Один немецкий офицер, придя на прачечную, выбрал молодую еще девочку, красивую еврейку, отвел ее немного в сторону в траву, изнасиловал и здесь же лежа зарезал ее своим ножом. Подозвав сюда же другую еврейку, он заставил вымыть ее свой нож, после чего этим же ножом ударил ее в лицо, сам повернулся и спокойно ушел»³.

На этом фоне повседневная жизнь эсэсовцев, особенно за пределами службы, выглядела идиллией. Обычно они жили в квартирах в Люблине, женатые могли перевезти своих ближе к себе. Например, так сделал Йозеф Лаурих, работавший в политическом отделе. Его жена Лили позднее вспоминала, что муж начинал службу в 8 утра и уже в 5 вечера был дома, никогда не опаздывая. Порою ему приходилось готовить обед, т.к. жена, рабо-

¹ Петров А.А. Указ. соч.

² Вахсман Н. Указ. соч. С. 355.

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 149. Д. 37. Л. 12.

тавшая в службе женской занятости, возвращалась позже. Среди излюбленных развлечений, особенно у надзирательниц, было посещение люблинских кафе и парикмахеров, специального Немецкого дома (клуб для арийцев), езда верхом, написание писем¹. Охрана лагеря часто предавалась коллективным попойкам, что нередко приводило к случайным сексуальным связям между эс-совцами и надзирательницами.

Впрочем, описание лагерной повседневности будет неполным, если рассматривать ее только с позиции лагерного начальства. Несмотря на систематический террор, мы находим множество отклонений от предписанного порядка, которые варьируются от скрытого саботажа до выстраивания собственных жизненных пространств. В литературе все эти жизненные практики нередко относят к различным видам сопротивления, даже если они не принимали форму откровенной борьбы (как это случилось в Треблинке, Собиборе или Аушвице). Хотя известно, что польские политические заключенные вынашивали планы восстания: один из узников П. Домбека даже писал руководителю Армии Людовой с просьбой передать оружие. Однако от идеи отказались, полагая, что нацисты сумеют подавить бунт и организуют ответные репрессии против мирных жителей Люблинского округа. Поскольку практически все евреи Майданека были ликвидированы или депортированы в другие места, мы мало знаем о внутренней жизни этой группы, намного больше сведений о жизни поляков (политические узники) и советских военнопленных. В обоих случаях мы имеем дело с теми, кто еще до заключения обладали либо навыками подпольной борьбы, либо опытом армейской службы.

Большое значение имели и личные вещи, которые тайно удавалось сохранять: фотографии, значимые картинки, медали, молитвенники — все это могло служить узнику в качестве напоминания о мирных днях и поддерживать волю к жизни. Среди представителей интеллигенции особенно ценились книги. Судя по воспоминаниям, уже в 1943 г. между заключенными разных «полей» был налажен обмен письмами и сообщениями.

Несомненно, обращение к культуре и религиозным практикам становилось основной формы сохранения своего человеческого облика и поддержания групповой солидарности. Так, религиоз-

---

¹ Mailaender E. Ibid. P. 181-182.

ные узники, несмотря на запрет, начинали и заканчивали день коллективной молитвой. И хотя в целом доминировали иудеи и христиане, в лагере было некоторое количество мусульман и даже буддистов. В свободное время узники могли организовать отдельные виды культурного досуга: например, распевание песен, чтение стихов. Среди польских заключенных получили известность такие поэты, как 20-летний скаут из Варшавы Славомир Цесликовский и партизан Армии Крайовой Тадеуш Чайка, в женском — Элизабет Поповска и Янина Моджевска. Горечь утраты и надежды на спасения — вот ключевые мотивы лагерной поэзии. Многие заключенные занимались изготовлением различных поделок: четки из хлеба, кольца, трубки, браслеты, портсигары и пр. Были и свои художники, например, Хелена Курциушова создала ряд портретов депортированных советских детей.

Существовали и более сложные виды культурной деятельности. В начале 1943 г. в женской зоне даже были организованы курсы сестер милосердия для тех, кто желал работать в медицинском бараке. Около сотни заключенных прошли их. Профессор М. Михалович с согласия СС проводил специальные лекции по медицине для персонала госпиталя. Помимо этого, в женском лагере польские политические заключенные устроили «радио Майданека» (с 13 февраля по май 1943-го): импровизированные утренние и вечерние представления, имитирующие радиоэфир, где через бумажный рупор с третьего яруса нар в полушутливой форме рассказывалось о лагерном распорядке и различных происшествиях. В более строгой мужской зоне также существовали свои виды культурной активности. С.К. Барутчев описывает концерт самодеятельности, который в одном из барачков устроили советские военнопленные в канун 1944 г.

Интересен и другой опыт культурного сопротивления. В 1943 г. лагерное начальство распорядилось об обустройстве лагеря, заставив узников создавать различные поделки и скульптурные украшения. Скульптор Албин Мария Бонецки (3-е «поле») создал колонну, венчаемую тремя орлами. Поскольку орел был одним из символов Третьего Рейха, то лагерное начальство одобрило скульптуру. Однако для узников она носила другой смысл: птицы символизировали надежду на освобождение, а у основания колонны они тайно захоронили прах сожженных тел заключенных. Тем самым монумент стал первым памятником жертвам нацистских концлагерей и,

в частности, Холокоста. Около входа на 3-е «поле» была установлена скульптура черепахи. Заключенные очень быстро наполнили это, казалось бы, нейтральное декоративное украшение особым значением: скульптура символизировала главный принцип жизни в лагере «работай медленно». Инженер Зелент взялся за создание макета замка в Замостье, однако по приказу эсэсовцев, понявших патриотический смысл произведения, он был уничтожен.

Наиболее важной практикой выживания стала организация групп взаимной поддержки. Красноармеец Е.В. Хорошунов попал в Майданек в феврале 1943 г., где его определили в команду по постройке асфальтовой дороги вокруг лагеря. Во главе стоял некий польский украинец Савчук, основной состав — советские пленные. Эта команда отличалась взаимной поддержкой, заключавшейся в разделе пищи, сообщении о приближении эсэсовцев, дабы на их глазах активно имитировать работу. Не менее известным на 3-м «поле» стала команда инженера Станислава Зелента, попавшего в Майданек 17 января 1943 г. Он занимался работами по благоустройству и устраивал у себя пленных¹. Известно, что в женской зоне существовали «семьи»: группы из 2-6 женщин, которые помогали друг другу, делили поровну еду, защищались от других узниц.

Хорошие отношения с капо позволяли добиваться большей свободы. Например, по воспоминаниям Е.В. Хорошунова, летом 1943 г. помощником капо стал А. Попов, который во время работ позволял подчиненным фактически уходить с места, изображая, будто они составляют некую рабочую группу: «Так можно было целый день ходить потихоньку вокруг лагеря, внутри кольца внешнего оцепления. Самое главное — не попасться в руки надзирателя, эсэсовца или капо чужой команды, а уж если попался — убедить его, что занят работой по поручению своего капо или мастера»². Имитация работы могла принимать и комические формы: «Однажды мы, трое или четверо, несколько дней простояли около кучи земли. При приближении эсэсовца землю перебрасывали лопатами от одного к другому. Эсэсовцы не обращали на нас внимания: работа идет! Лишь одному, возвращавшемуся с поста и видевшему нас у этой кучи несколько дней подряд, пришлось в голову спросить, зачем мы перебрасываем землю по кругу.

---

¹ Люди, победившие смерть... С. 171.

² Люди, победившие смерть... С. 173.

— Чтобы не заплесневела! — ответили мы по-русски.

Он пожал плечами и пошел дальше»¹.

Подчеркнем, что внимательное отношение современных историков к различным практикам кооперации и выживания в концлагерях вовсе не должно вести к заключению, будто именно такие модели поведения доминировали. Скорее наоборот, это была попытка противостоять гнетущей атмосфере: не только лагерное руководство пыталось вносить разлад в ряды узников, но и многие заключенные, обеспокоенные собственным выживанием, были готовы совершить любую подлость — от доноса до примитивного воровства. Показателен фрагмент воспоминаний 16-летней Р. Бен-Атар: однажды она упала в отхожую яму и чуть ли не утонула в ней. Звать на помощь она считала бесполезным, никто бы не пришел, и тяжелыми усилиями ей самой пришлось выбираться из этой ситуации².

Большая часть представителей лагерного «самоуправления» была не только старше своих эсэсовских начальников, но и более образованными. Это, с одной стороны, позволяло им с опасностью для жизни манипулировать своими руководителями. С другой стороны, неограниченная жестокость становилась фактически единственным способом, которым достаточно молодые надзиратели и сотрудники лагерной администрации могли поддерживать контроль.

Существует миф о полной изолированности лагерей от внешнего мира. Действительно, нацисты пытались поддерживать секретность, особенно относительно процесса массовых убийств, однако происходящее в лагерях, включая Майданек, было секретом Полишинеля. Во-первых, нужно упомянуть о том, что для многих узников этот концлагерь являлся лишь местом транзита. Соответственно, это способствовало распространению различных слухов о концлагере. Во-вторых, с 1943 г. здесь существовало польское подполье. Его создание стало следствием превращения Майданека в место содержания политических заключенных. Наиболее активны были бойцы Армии Крайовой, самыми прочными оказались связи с Львовским подразделением (в каждом «поле» был ответственный человек, который регулярно делал доклады о положении), менее активные — с Люблинским. Кроме того, в лагере существовала левая организация «Орел», контактировавшая с

¹ Люди, победившие смерть... С. 174.

² Ben-Atar R., Ben-Atar D. Ibid. P. 103-104.

Армией Людовой. Отдельные узники даже сформировали ячейку Польской рабочей партии. Более того, в лагере на строительных работах были задействованы и гражданские специалисты. Общаться с ними, конечно, запрещалось, однако это не могло остановить узников. Е. В. Хорошунов вспоминал, что от одного из таких рабочих он получал газеты и информацию о происходящем в мире, причем летом был избит за эти связи¹. Нередко через этих людей организовывали прием и отправку подпольной корреспонденции. Отметим, что и дым от сожженных на открытом воздухе тел был хорошо виден в самом Люблине (сохранились даже фотографии, подтверждающие это), а поляки из д. Кремпец слышали звуки расстрелов и крики убиваемых в местном лесу. Более того, местных жителей привлекали для перевозки трупов узников, которые уничтожались здесь.

Современным исследователям известно о примерно 500 случаях побегов из Майданека. Легче всего было полякам, т.к. они знали язык и могли рассчитывать на помощь местного населения. Несколько массовых побегов произошли в марте 1944 г.: одна группа покинула лагерь, перерезав проволоку, другая сделала подкоп, третья улизнула по водосточным трубам. Иностранцам бежать было сложнее. Так, советские военнопленные теоретически могли добраться до партизанских районов Западной Украины. Выше мы писали об известном массовом побеге советских узников в июле 1942 г., однако были и другие случаи: в августе того же года 13 советских пленных были отправленных на покос овса, они убили охранников и бежали. Всего в 1942 г. бежали около 100 красноармейцев². Более изощренно действовали двое других пленных в январе 1944 г.: на 2-м междуполье они убили охранника, один надел его форму и вывел второго из ворот. Наиболее дерзкий случай произошел в июне 1944 г., когда трое неизвестных заключенных угнали машину коменданта³.

Самой незавидной оказалась судьба евреев, множество из которых были выданы местными жителями в обмен за вознаграж-

¹ Люди, победившие смерть... С. 171-172.

² Encyclopedia of Camps and Ghettos... P. 878.

³ Муравска-Грынь З., Грэнъ Э. С. 82. Отметим, что схожий по форме побег из Аушвица в 1942 г. был совершен во главе с политическим заключенным К. Пиховским. См.: Рис Л. Указ. соч. С. 203-209.

дение, включая несколько килограммов муки или сахара. Так, например, 21-летний Соломон Фрай в 1942 г. был депортирован из Варшавского гетто в Майданек. Он бежал из одной рабочей команды, но не имея никаких других возможностей где-либо спрятаться, он вернулся обратно в Варшаву¹. Впрочем, историкам известны и успешные случаи бегства евреев, преимущественно из команд, работавших за пределами лагеря.

Под влиянием военных неудач немцев в войне против СССР пытались бежать и некоторые травниковцы. Вахман Я.Т. Коц занимался конвоированием евреев из Майданека на работы. Познакомившись с местной девушкой, он узнал о существовании партизанского отряда. Летом 1943 г. он вместе с 8 другими вахманами и 3 евреями бежал, однако никаких партизан рядом не было. Вскоре к ним стали присоединяться другие подобные беглецы, а затем эта группа вошла в состав партизанского отряда им. Буденного².

В качестве исключительной можно привести историю эсэсовца Отто Шульца, который весной 1944 г. помог сбежать двум польским женщинам-заключенным Феликсе Бидахе и Хелене Жук. Он вывез их в мешках из-под одежды на повозке одного из гражданских рабочих. Уже в Люблине О. Шульц отослал поляка за сигаретами и попытался выпустить женщин, но тот заметил это. В итоге женщины бежали, а сам эсэовец был осужден и отправлен «искупать вину» на фронте. Отметим, что редкие случаи, когда эсэовцы помогали узникам бежать, отмечались и в других лагерях³.

Естественно, в случаях побега охрана лагеря сразу же открывала стрельбу на поражение, если же бежавших ловили, то их сильно избивали и публично вешали. Конечно, как и в других концлагерях СС существовали инструкции, регламентировавшие действия охранников (вахманы, служащие батальона «Мертвая голова»): предупредительный выстрел, три оклика «halt». Естественно, ничего из этого не исполнялось, а в официальных бумагах любые убийства представлялись как попытки побега. По имеющимся свидетельствам, доведенные до истощения заключенные намеренно близко подходили к проволочному заграждению, чтобы быть

---

¹ Hill B. Solomon Fry, Survivor // *Anthropology and Humanism Quarterly*. 1991. Vol. 16. No. 4. P. 121.

² Шнеер А. Указ. соч. С. 396.

³ Леви Г. Указ. соч. С. 50.

сразу же застреленными. За это предотвративший побег охранник получал награду в виде дополнительных 5 дней отпуска¹.

Отдельно стоит сказать, что и внутри лагерного персонала не было единства. Так, коменданты К.О. Кох и Г. Флорштедт не пользовались большим уважением среди подчиненных. Среди охранников также существовали свои линии разделения: немцы из «Великой Германии» смотрели на Volksdeutsche, этнических немцев с оккупированных территорий, как на людей «второго сорта», а все они считали недочеловеками украинцев, русских, литовцев, латышей и представителей других народов Восточной Европы, которые служили вахманами «травниковцами». В конце января 1944 г. М. Вайс издал приказ, запрещающий разделять немцев на «великогерманских» и «народных». Своя дедовщина была и среди женского персонала, некоторые надзирательницы подвергались постоянным издевкам со стороны коллег². Также служебные конфликты возникали между мужскими сотрудниками администрации и женским персоналом.

Тот факт, что Майданек играл важную роль в ограблении европейского еврейства, давал широкие возможности для роста коррупции не только на верхнем уровне, но и на низовом. С последней также пытались бороться, известны даже приговоры, которые варьировались от нескольких месяцев до нескольких лет заключения. Известно, что в 1943 г. 10 надзирательниц подверглись различным наказаниям: 6 человек получили выговор за неисполнение приказа, Х. Лэхерт — 5 дней административного ареста за нарушение комендантского часа и 8 дней за потерю оружия, Анна Давид — 5 дней административного ареста за случайное убийство заключенного, зато некая Хелена Д. — 3 месяца тюрьмы за воровство³. Как видно, убийство заключенного было менее тяжелой провинностью, нежели воровство.

Несмотря на все внешние формы, уровень дисциплины у охранников и служащих администрации оставлял желать лучшего, особенно в последние полгода существования лагеря, когда стало очевидным близящееся поражение нацистской Германии. В воспоминаниях С.К. Барутчева, относящихся к рубежу 1943-

¹ Mailaender E. Ibid. P. 222-223.

² Ibid. P. 145-146.

³ Ibid. P. 224.

1944 г., приводится немало примеров, когда эсэсовские врачи или ответственные за «поле» не просто исполняли свой «долг» спустя рукава, но и откровенно переключивали работу на подчиненных заключенных.

Отдельная история связана с женским лагерем. Барак женщин-надзирательниц располагался прямо напротив барака охранников-мужчин, что лишь способствовало сексуальным контактам, которые были формально запрещены. В литературе известен случай, когда обершарфюрер, чье сердце было разбито, попытался совершить суицид в газовой камере. Иногда эти связи перерастали в брачные узы: две надзирательницы вышли замуж за унтер-офицеров СС, одна за роттенфюрера и еще одна за штурманна¹. Эрна Пфанштиль из-за проблем в семье очень рано ушла из дома. Не имея даже оконченного среднего образования, но желая лучшей доли, она записалась на службу в СС и в возрасте 20 лет стала надзирательницей, а потом была переведена в лагерь смерти Майданек. В начале лета 1943 г. она забеременела от роттенфюрера СС Г. Валлиша. Беременность не стала препятствием к работе, а гормональные всплески лишь способствовали жестокости: Э.Пфанштиль проводила селекцию, сопровождала женщин и детей в газовые камеры, избивая их. В середине 1960-х гг. перед австрийским судом она свидетельствовала, что во время расстрелов 3 ноября 1943 г. у нее случился нервный срыв на 4-м месяце беременности. Однако со свадьбой пришлось повременить. В июне 1943-го по подозрению в краже вещей арестовали Г. Валлиша, а в январе 1944 г. саму Эрну отправили работать в Равенсбрюк, где условия куда удобнее для скорых родов. Завязалась долгая переписка, чиновники СС отказали им в свадьбе по доверенности (по подозрению в краже Г. Валлиша из Генерал-губернаторства на территорию Рейха не пускали), и только комендант Майданека М. Вайс в итоге позволил Эрне приехать в Люблин и сыграть свадьбу. Вскоре Эрна родила и поселилась в Вене. В 1946 г. воссоединилась с мужем, который по итогам расследования нацистами был все же приговорен к нескольким годам заключения. После войны состояла в Обществе взаимопомощи бывших членов войск СС, к суду привлечена не была².

¹ Mailaender E. Ibid. P. 158.

² Ibid. P. 133-134.

ПОСТЕПЕННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ

Операция «Праздник урожая» фактически была переломным моментом в истории лагеря, она же ознаменовала окончательный конец проектов превращения Люблина в мощный экономический центр. Еще в сентябре 1943 г. обсуждались планы подчинить администрации Майданека все трудовые лагеря округи и тем самым выстроить разветвленную производственную систему, состоящую из главного лагеря и множества филиалов (как это было сделано в случае с Аушвицем, Бухенвальдом и др. всем известными лагерями). После убийства 18,4 тыс. евреев многие эсэсовские предприятия закрылись. А общее количество заключенных в Майданеке на конец года составляло 6 562 человека.

Предпоследним комендантом Майданека в самом начале ноября, перед акцией «Праздник урожая», стал оберштурмбанфюрер Мартин Вайс. Он родился в 1905 г. в рабочей семье в Баварии. Детство пришлось на Первую мировую и экономически сложный межвоенный период. Уже в 1926 г. он вступил в нацистскую партию, а с 1933 г. работал в Дахау. В течение пяти лет он являлся инженером лагеря, а затем стал адъютантом коменданта. Конечно, по мере расширения системы концлагерей такие «опытные кадры» были нужны: в 1940 г. он возглавил постройку концлагеря Нойенгамме, а в 1942 г. его перевели в Дахау. М. Вайс был на хорошем счету у О. Поля, а потому и получил место арестованного за коррупцию Г. Флорштедта.

Считается, что убийства 3 ноября происходили, когда М. Вайс уже прибыл в концлагерь. Согласно сохранившимся документам он числится в списках сотрудников концлагеря с 1 ноября¹. Ему пришлось не только зачищать последствия акции, но и поддерживать Майданек как один из экономических центров. В мае 1944 г. по мере расформирования концлагеря М. Вайса отправили на повышение, а на его место перевели оберштурмбанфюрера Артура Либехеншеля. Он родился в 1904 г., не был участником Первой мировой, однако сразу по ее окончании вступил во фрайкор. К нацистской партии присоединился в 1932 г., а спустя два года вступил в СС. Его карьера связана с работой в ИКЛ, где он был причастен к организации системы концлагерей. В 1943 г. его назначили ко-

¹ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 5. Л. 48.

мендантом Аушвица вместо Рудольфа Хёсса, однако оказалось, что заниматься бумажной работой в Берлине вовсе не то же самое, что реально участвовать в процессе уничтожения и эксплуатации. А. Либехеншель прослыл излишне «либеральным» комендантом, более того, он решил развестись с женою и оформить отношения с секретаршей своего начальника Р. Глюкса. Однако детальная проверка ее прошлого показала, что она еще на заре нацистской эры была подвергнута аресту за связь с евреем. А. Либехеншель категорически отказался расторгать помолвку, а потому был переведен на аналогичную должность в концентрационный лагерь Люблин¹.

На рубеже 1943–1944 г. функция Майданека в системе концлагерей СС изменилась. С ноября он уже перестал быть центром массового уничтожения еврейского населения, а с декабря — местом сосредоточения польских политических заключенных, которые отправлялись западнее, в Гросс-Розен и Аушвиц. Теперь сюда свозили истощенных и нетрудоспособных заключенных других концлагерей (Аушвица, Маутхаузена, Дахау, Заксенхаузена, Бухенвальда, Нойенгамме, Флоссенбюрга и пр.). В общей сложности около 18 тыс. человек разных национальностей оказались депортированы под Люблин. Как отмечал в воспоминаниях С.К. Барутчев, в их числе были даже китайцы и чернокожие. Неудивительно, что Майданек пользовался дурной славой. Так, в начале 1944 г. узницы Равенсбрюка даже организовали акцию протеста (в виде петиции) против отправки их товарищей на восток Польши². Одна из узниц Н. Харламова позднее вспоминала: «Уже несколько таких транспортов с больными ушло в Майданек. Теперь никто уже не ходил лечиться в ревир³, боялись получить розовый билет. Больные, инвалиды, старухи — все работали из последних сил». Такие транспорты советские узницы называли «черными». Норвежец А. Кнудсен, арестованный за попытку незаконного пересечения границы, был переведен в Майданек из Заксенхаузена в 1944 г. Позднее он вспоминал, что, несмотря на 25-градусный мороз, «мы носили только тонкую хлопчатобумажную робу. Майданек — это самое худшее, что было со мною во время войны». И это при том,

¹ Вахсман Н. Указ. соч. С. 438–439.

² Аристов С. Указ. соч. С. 272.

³ Так назывался лазарет.

что сам он успел побывать еще в таких концлагерях, как Аушвиц, Бухенвальд и Нойенгамме¹.

В течение последних месяцев существования через концлагерь Люблин прошли жители районов Люблина и Жешува, ставшие жертвами кампаний по усмирению. В мае на 5-м «поле» был образован автономный трудовой концлагерь, куда согнали 2 тыс. жителей окрестных районов. Их целенаправленно задействовали на строительстве оборонительных сооружений Люблина.

Впрочем, Майданек продолжал оставаться местом убийства отдельных групп заключенных. Красноармеец М.Н. Пентегов, прибывший сюда в конце 1943 г., на допросе в августе 1944 г. свидетельствовал: «С поля, где находились печи, ежедневно были слышны крики и стрельба из пулеметов и автоматов, это значит, что ежедневно производилось уничтожение людей»². Так, в конце февраля 1944 г. сюда отправили около 200 членов «зондеркоммандо», обслуживавшей крематории Аушвица. Всех их расстреляли. Продолжали ликвидировать отдельных польских политических заключенных, преимущественно из тюрьмы в Люблинском замке. Судя по воспоминаниям и показаниям выживших узников, в весенне-летние месяцы 1944 г. убийства отдельных партий людей были не редкостью. Последний расстрел состоялся 21 июля, т.е. за несколько дней до прихода Красной Армии. Его жертвами стали 700 человек, преимущественно пригнанных из Люблинской тюрьмы. Впрочем, уже вскоре по освобождению города в самой тюрьме также обнаружили 450 трупов³.

В начале 1944 г. администрации Майданека были подчинены трудовые лагеря в Будзине (открыт еще в 1942 г., обслуживал авиазаводы), в Радоме (работал на DAW), Ближине (основан в 1943 г., численность узников достигала до 10 тыс. человек, они были заняты изначально в каменоломнях, а затем в различных мастерских), а также в Варшаве (на улице Генсей, основной контингент составляли еврейские заключенные из многих стран оккупированной Европы)⁴. Впрочем, это мало повлияло на положение как в самом

¹ Banach K., Grudzinka M., Lenarczyk W. The Prisoners of Majdanek. Exhibition catalog. Lublin, 2015. P 22.

² ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 149. Д. 37. Л. 11 об.

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 7. Л. 2, 8 об.

⁴ Муравская-Грынъ З., Грынъ Э. Указ. соч. С. 35, 36.

Майданеке, так и новоприобретенных филиалах. Причем в это же время была ликвидирована Ostindustrie.

Решение об эвакуации Майданека было принято 19 марта 1944 г., в нем, по данным польского подполья, находились 12 327 зарегистрированных узников¹. Красная Армия в это время стояла в 150 км от Люблина. Первый эвакуационный транспорт отошел 1 апреля, он увез 84 советских ребенка в детский лагерь Константинов (под Лодзью). 2 апреля в Нацвейлер (Эльзас) отправили 1,2 тыс. мужчин. Эвакуация производилась в разные концлагеря (Аушвиц, Плашов, Маутхаузен, Равенсбрюк) и затронула почти всех узников. В условиях тяжелой войны все эти заключенные рассматривались как ценный рабочий ресурс, замещающий мобилизованных на фронт немцев. Последний состав в Маутхаузен ушел 7 июля, а 22-го числа уже пешим маршем в сторону Красника была отправлена группа заключенных примерно в 1 тыс. человек. Затем их посадили в составы и отправили в Аушвиц. Отстающих конвоиры убивали, 38 заключенным-полякам удалось бежать.

Судьбы переведенных складывались по-разному: кто-то умирал во время транспортировки, кому-то удавалось дожить до окончательного освобождения. Отметим другой любопытный факт. В начале апреля обершарфюрер Э. Мусфельд был переведен в Биркенау. С собою он забрал и членов «зондеркоммандо», преимущественно советских военнопленных. Однако по прибытии 16 апреля всех их приказали уничтожить как непосредственных свидетелей истребления евреев. Главный палач Майданека лично каждому из них пожал на прощание руку. Однако вскоре Э. Мусфельд, ставший начальником 2-го и 3-го крематориев, обнаружил, что его бывшие подчиненные избежали газовых камер: в условиях нового витка «окончательного решения», теперь в виде массового истребления венгерских евреев, знающие дело «специалисты» были востребованы².

Красная Армия стала стремительно приближаться к Люблину летом 1944 г., сразу после начала операции «Багратион», когда была сломлена оборона немцев в Белоруссии. В рамках развития первоначального успеха с 18 июля по 2 августа была проведена Люблин-Брестская операция силами 1-го Белорусского фронта.

¹ Mailaender E. Ibid. P. 33.

² Полян П. Указ. соч. С. 69.

Ему противостояли 2-я и 9-я армии (группа армий «Центр») и 4-я танковая армия (группа армий «Северная Украина»). 21 июля советские войска 8-й гвардейской и 2-й танковой армий прорвались в сторону Люблина. Остатки 56-го немецкого танкового корпуса на этом направлении оказывали спорадическое, но вовсе не сильное сопротивление. Так, еще вечером 22 июля северо-восточная окраина Люблина была занята частями нашей 2-й танковой армии. Для его обороны спешно была создана группа силой около 4 тыс. человек из остатков различных частей под руководством генерала Гильмара Мозера. Окончательно город был освобожден 23 июля. На фронте 8-й гвардейской армии противник — разбитые части 56-го танкового корпуса — не оказывал серьезного сопротивления, а потому она сумела в этот день продвинуться на 30 км, а 2-й танковая армия с боем форсировала реку Вепш и первой вошла в город¹. Во время боев за Люблин в 17.00 был ранен командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Семен Ильич Богданов. Отдельные очаги сопротивления были подавлены 24 июля².

Судя по характеру боевых действий, немцы бежали в спешке. Это подтверждает и спешность оставления Майданека. Нацисты спешно сжигали документацию и крематорий. В самом Майданеке остались 1,5 тыс. заключенных, 900 их них советские военнопленные. Считается, что 22 июля нацисты оставили территорию лагеря, а на следующий день здесь появились советские солдаты.

Матвей Львович Гершман, служивший в 88-й гвардейской стрелковой дивизии, был одним из тех, кто первым вошел в оставленный Майданек. Позднее он следующим образом описывал впечатления о лагере: «Скелеты, обтянутые кожей, на земле лежат. Как вспомню... Подошел к старушке одной, освобожденной нами узнице, и говорю: “Не плачь бабушка, теперь жить будешь”. Она отвечает: “Да мне всего 23 года...” Я смотрел на весь этот кошмар и думал о своей семье, с июля 1941 года я не знал, что с ними, живы или погибли в гетто. За три дня до освобождения концлагеря взяли мы в плен власовца. Обычно их на месте кончали. А этот

¹ Великая Отечественная война. 1941-1945 . Документы и материалы. Том X. Освобождение Красной армией нацистских «лагерей смерти». М., 2017. С. 146-148.

² Центральный архив Министерства обороны. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 1. Л. 175-177.

был совсем парнишка молодой. Сказал я тогда бойцам: “Пусть идет в плен, не трогайте...” Когда стоял возле печей, то пожалел о своем добродушии. Примерно двое суток мы прочесывали лагерь и его окрестности, добивали охранников эсэсовцев»¹. Захар Евсеевич Красильщиков, служивший в 117-й стрелковой дивизии, вспоминал: «Мы испытали ощущение подлинного ужаса, бойцы стояли в оцепенении, не в силах сдвинуться с места, некоторые не могли сдерживать слез. А потом, как по команде, все кинулись к баракам, спасти тех, кто еще был жив... Поймали нескольких немцев-охранников, которые не успели скрыться из Майданека, и расстреляли их на месте...»².

Несомненно, концлагерь произвел самое печальное впечатление на красноармейцев, некоторые, как, например, танкист А.И. Лаврентьев, называли его самым ужасным впечатлением войны. Командир зенитного орудия Иван Федорович Борисенко вспоминал о том, как их послали грузить освобожденных военнопленных на санитарные машины: «Страшное дело, одни кости, обтянутые кожей. И мы не могли за него взяться... Не могут ребята, боятся братья за человека... Там с нами санитарный отряд был, девчонки, так потом уже, командир этого отряда, капитан: «Девочки, грузите, а ребята пусть носят!»³ Некоторые ветераны свидетельствовали о том, что под впечатлением от Майданека в их частях некоторое время не брали пленных⁴. В акте комиссии 14-й гвардейской кавалерийской дивизии от 25 июля сохранились яркие свидетельства: «При осмотре концлагеря в расположении последнего обнаружен крематорий. В 2 отделениях крематория обнаружено около 150 сгоревших человеческих трупов. В одном из отделений последняя партия трупов еще до-

¹ Гершман Матвей Львович // Я помню. 2006. 14 июля. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/gershman-matvey-lvovich/> (дата обращения: 16.10.2019).

² Красильщиков Захар Евсеевич // Я помню. 2010. 28 окт. URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/krasilschikov-zakhar-evseevich/> (дата обращения: 16.10.2019).

³ Борисенко Иван Федорович // Я помню. 2017. 16 июля. URL: <https://iremember.ru/memoirs/zenitchiki/borisenko-ivan-fedorovich/> (дата обращения: 16.10.2019).

⁴ Розенберг Миля Хаимович // Я помню. 2009. 11 окт. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/rozenberg-milya-khaimovich/> (дата обращения: 16.10.2019); Вестерман Аркадий Григорьевич // Я помню. 2011. 17 июля. URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/vesterman-arkadiy-grigorevich/> (дата обращения: 16.10.2019); Красильщиков Захар Евсеевич. Указ. соч.

горала. Среди трупов обнаружены детские различных возрастов и женские»¹. В этом же акте упоминаются массовые убийства ноября 1943 г., а также отдельные особенности тяжелой жизни концлагеря (поскольку среди членов комиссии были и освобожденные военнопленные).

Фиксация нацистских преступлений началась сразу же на основе рассказов жителей Люблина. И как мы видим, на первое место сразу же выступила трагедия именно польских граждан. Уже 24 июля был написан акт специальной комиссии, которая состояла из представителей Красной Армии (гвардии майоры В.К. Смехов и Ф.А. Ерхов, гвардии капитан Б.М. Миллер, гвардии лейтенант В.И. Манин) и местных жителей (бывший губернский чиновник Р.В. Ворошинский, ксендз В.М. Денчинский, его помощник С.И. Кендрасен, врач Р.Р. Сервацит, рабочий Б.С. Трик, а также бухгалтер А.М. Шкарупа). В нем говорилось в основном о зверствах последних дней, а именно уничтожении более 1 тыс. евреев и поляков: «Они кровью польских патриотов залили камеры тюрьмы, в 6 ярусов были уложены трупы расстрелянных, и так 6 камер были заполнены жертвами ни в чем не повинных людей», а также о 2 тыс. человек, которые были вывезены и Люблина и сожжены. Кроме того отмечалось, что в течение 5 лет здесь убивали людей: всего истребили 40 тыс. евреев и 20 тыс. поляков. Отдельно упоминалось, что город Люблин был центром уничтожения 200 тыс. поляков². В другом акте от 25 июля напрямую говорилось, что «более двух тысяч человек дают показания, что немцы систематически уничтожали Польское население и с этой целью немецкие власти увозили заключенных из тюрьмы на предместье гор. Люблин “Майданек” и там расстреливали их, душили отравляющими газами или сжигали в специальных печах»³. 26 июля был составлен акт другой комиссии представителей РККА и польского населения, в нем представлялась уже более развернутая оценка произошедшего: хотя акцент был сделан на трагедии советских военнопленных и поляков (что вполне объяснимо, учитывая, что сведения брались в т.ч. и из распросов

---

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945 . Документы и материалы. Том X ... С. 159.

² Там же. С. 158.

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 7. Л. 2.

выживших), трагедия евреев также нашла свое место. Количество убитых оценивалось в несколько сотен тысяч, включая 40 тыс. люблинских евреев¹.

Как видно, оценить общее количество убитых в Майданеке было непросто. Польско-советская чрезвычайная комиссия по расследованию немецких преступлений в Люблине в августе 1944 г. оценила общее количество убитых в более 1,5 млн человек. Военный прокурор 1-го Белорусского фронта генерал Л. Яченин в октябре 1944 г. составил подробное заключение о злодеяниях немцев в Люблине, во многом опираясь на коммунике упомянутой выше комиссии. Общее количество жертв концлагеря Майданек он оценил в 2 млн человек², причем эта цифра вывдидлась с учетом раскопок на местах сожжения трупов, оценки пропускной способности печей и найденной одежды и обуви в самом лагере. Уже сама эта расшифровка указывает на ошибки в методологии анализа. Однако именно эта цифра закрепилась на многие десятилетия в отечественной историографии. Например, Н.С. Алексеев в предисловии к 5-му тому Нюрнбергских документов упоминал, что в Майданеке уничтожили 1,250 млн человек³. Если говорить о польской историографии, то первоначальные данные были быстро пересмотрены. Так, З. Лукашевич (чье исследование мы публикуем в данном сборнике) писал о гибели 360 тыс. человек, включая 200 тыс. евреев. В 1966 г. Т. Веренштаейн и А. Рутковский переоценили общее количество еврейских жертв до 120 тыс. человек.

В настоящее время общее количество заключенных разных категорий, прошедших через этот концлагерь, оценивается польскими историками из Музея Майданека минимум в 150 тыс.⁴, из них примерно 74 тыс. евреев: как минимум, 56,5 тыс. польских (большинство из Варшавы, Люблинского округа и Белостока) и 17,5 тыс. иностранных. Количество убитых оценивается в 80 тыс. человек, из них 60 тыс. — евреи⁵. Эти цифры подтверждаются сохранившимися документами. Авторитетная «Энциклопедия

¹ Великая Отечественная война. 1941-1945... С. 160.

² Там же. С. 178.

³ Нюрнбергский процесс. Сб. док. Т. 5. М., 1991. С. 76.

⁴ Siwek-Ciupak B. Ibid. P. 17.

⁵ Banach K., Grudzinka M., Lenarczyk W. Ibid. P. 7; Kranz T. Ibid. P. 75.

лагерей и гетто», выпускаемая Американским Мемориальным музеем Холокоста, указывает на не менее 250 тыс. зарегистрированных узников, а общее количество жертв оценивает в 80-120 тыс. человек в главном лагере и до 20 тыс. в филиалах¹.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

После освобождения инфраструктура лагеря не была заброшена. Так, на 1-м и 2-м «полях» разместились подразделения 2-й польской армии Войска Польского, а по соседству — немецкие военнопленные. В дальнейшем здесь содержали арестованных партизан Армии Крайовой. В августе 1944 г. была образована Польшко-советская чрезвычайная комиссия по расследованию немецких злодеяний на Майданеке в городе Люблин. Ее задачей было продемонстрировать сотрудничество польской и советской сторон в борьбе против Германии как ключевой угрозе славянских народов. Рассказ об ужасах Майданека должен был не только подчеркнуть образ Красной Армии как освободительницы европейский народов и служить укором западным союзникам, недооценивавшим нацистскую угрозу², но и стать противовесом теме катынских расстрелов. С апреля 1943 г. нацистская пропаганда активно использовала эту тему, в т.ч. для того, чтобы внести разлад в советско-польские отношения. Соответственно образ Майданека мог послужить ярким примером, кто именно в реальности несет угрозу польскому народу. Одним из итогов работы Комиссии стал не только поспешный сбор свидетельств, но и организация масштабной пресс-конференции для представителей западной прессы. Майданек был первым концентрационным лагерем СС, освобожденным союзниками. Значительная часть его инфраструктуры сохранилась, мир получил возможность заглянуть за колючую проволоку. К сожалению, обнародование сведений, включая фотографии и видеорепортажи, не вызвало широкого общественного отклика на Западе, как это было в 1942 г. после уничтожения чешской деревни Лидице или в 1945 г., когда сами британцы и американцы освободили Дахау и Берген-

¹ Encyclopedia of Camps and Ghettos... P. 878.

² ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 107. Д. 30. Л. 71.

Бельзен¹. Однако в СССР публикации о Майданеке и новостные сообщения получили широкий резонанс. Любопытно, что одним из откликнувшихся стал техник-интендант 2-го ранга А.А. Печерский, который 17 сентября 1944 г. написал секретарю СНК СССР. Отталкиваясь от опубликованного Коммюнике, он сообщал, что сам находился в одном из подобных лагерей смерти, в Собиборе, где за 22 дня его пребывания были удушены 17 тыс. человек, а за все время существования, по словам солагерников, более 500 тыс.² Так, через апелляцию к Майданеку лидер восстания в Собиборе начал свою борьбу за то, чтобы и эта страница истории нацистских преступлений и сопротивления им получила признание.

Примечательно, что Майданек стал первым мемориалом в память жертв нацистских концлагерей. Идея создания музея прозвучала в августе на одном из заседаний упомянутой Польско-советской комиссии и стала реализовываться уже осенью 1944 г. Поскольку здесь размещались солдаты, то многие бараки были разобраны на дрова, оставшиеся вещи растаскивались местным населением. В конце 1945 г. большая часть солдат покинула это место, хотя отдельные контингенты находились тут до 1949 г. В 1947 г. музей получил правовой статус и официальное название «Памятника мученичества польского и других народов». Тогда же из останков погибших был насыпан огромный курган за крематорием. Спустя два года появилась его первая концепция развития. К тому времени сохранились только бараки 3-го «поля», мастерские, разрушенный крематорий и душевые с газовыми камерами. На остальных «полях» решили высадить дубовый лес, что фактически привело чуть ли не к уничтожению первоначального облика лагеря. Только в 1960-е гг. под руководством архитектора Р. Дылевского была разработана новая концепция, которая предполагала возвращение «полям» первоначального образа, реставрацию сохранившихся объектов и создание масштабного памятника жертвам. В 1969 г. архитектор В. Толкин создал Монумент борьбы и мученичества, который состоит из монумента-ворот, мавзолея (купольная надстройка над холмом, которая одновременно отсылает и к славянской традиции погребальных холмов, и к рим-

---

¹ Александр Дж. Культурсоциология. М., 2013. С. 95–140; Gorny Y. The Jewish Press and the Holocaust, 1939–1945. Cambridge, 2011. P. 231–250.

² ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 115. Д. 8. Л. 153.

скому пантеону) и Дороги почтения и памяти, соединяющей оба мемориала. Постепенно музей стал превращаться в крупный научно-исследовательский центр, формировались архив и библиотека, стали открываться исторические экспозиции, в 1985–2004 гг. проводилось международное триеннале искусства «Майданек»¹.

Непосредственно в СССР Майданек превратился в один из символов нацистских преступлений, хотя серьезных публикаций и детализированных воспоминаний было опубликовано не так много. Образ Майданека нашел отражение в творчестве художника-фронтовика З. Толкачева, писателей Л.С. Первомайского и С. Абдуллаева (повесть «Одноглазые»). Любопытно, что одну из первых киносъемок лагеря после его освобождения проводил известный кинооператор Роман Кармен, а редактором новостного выпуска «Союзкиножурнала», в котором советским телезрителям поведали о Майданеке, являлся мировой классик документального кинематографа Д. Вертов.

Большинство ответственных руководителей Майданека прожили недолго. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер покончил с жизнью после того, как был узнан в британском плену. О. Поля схватили в мае 1946 г., приговорили к смерти и повесили в 1951 г. Сведения о смерти Г. Каммлера противоречивы, но скорее всего он также покончил с собой. Такой же оказалась судьба и О. Глобочника в мае 1945 г. Его преемника Я. Шпорренберга сначала арестовали британцы, а потом выдали полякам. В 1952 г. за организацию операции «Праздник урожая» его повесили. Г. Хеффле был отпущен из плена британцами, австрийские власти отказались заводить дело, однако под угрозой выдачи Польше он бежал в Италию, потом (подделав имя) жил в Австрии и Германии. Был информантом американской контрразведки. Арестован в 1961 г. и покончил жизнь самоубийством. К. Вирт погиб от рук югославских партизан в 1944 г.

Если говорить о комендантах, то двое из них был расстреляны еще самими нацистами. Сразу после отставки в 1942 г. против К.О. Коха началось расследование, однако следователи стали на его сторону. Но в покое его не оставили: принц Й. Вальдек продолжал параллельное коррупционное расследование в Бухенвальде, а вскоре следствие возглавил судья СС К. Морген с широки-

---

¹ Ковальчик-Новак А. Майданек. Мемориальный музей. Люблин, 2016. С. 9–17.

ми полномочиями. Поскольку вся система концлагерей утопала в коррупции, появилась необходимость в показательном процессе. В 1943 г. К.О. Кох и его жена были арестованы, под стражу попали и другие подельники. Прежде всего им вменялось воровство в Бухенвальде, а также бессудные убийства потенциально полезной «рабской силы». Если Ильзу Кох оправдали, то ее муж был приговорен к смертной казни и расстрелян в апреле 1945 г. в Бухенвальде, где когда-то был всевластным комендантом. Вместе с ним за коррупцию был расстрелян и Г. Флорштедт. М. Вайс был осужден в рамках процесса Дахау и повешен в 1946 г. М. Кегель не стал ждать суда и покончил с собой в этом же году в тюрьме. А. Либехеншеля вздернули двумя годами позднее в Кракове за преступления в Аушвице. Годом ранее в Люблинской тюрьме повесили старшую надзирательницу женского лагеря Э. Эрих.

Всего за послевоенные годы из 1 800 нацистов и коллаборационистов, обеспечивавших функционирование Майданека, примерно 170 предстали перед правосудием, правда, не всегда именно за эти злодеяния. Некоторых судили в рамках процессов по другим концлагерям, например, процесс над сотрудниками Аушвица в Кракове в 1946–1947 гг. или «Первый процесс» над охранниками Берген-Бельзена в 1945 г.¹ Особо выделяются три процесса, когда на скамье заключенных оказывались сразу несколько преступников, бывших сотрудников администрации Майданека. В ноябре 1944 г. в Люблине прошел «Первый процесс» над пойманными сотрудниками лагеря невысокого уровня. Среди них — заместитель начальника административного отдела А. Тернес, руководитель складов Х. Фогель, административный сотрудник В. Герштенмайер, охранник Т. Шёллен, а также два капо. Все они были приговорены к смертной казни. Самым крупным стал «Второй процесс», проведенный также в Люблине. На скамье подсудимых оказались 95 человек, в основном охранники. Однако только семеро были повешены, остальные приговорены к различным срокам заключения.

«Третий процесс» состоялся в 1975–1981 гг. в Дюссельдорфе. В отличие от подобного процесса над охранниками Аушвица, который состоялся во Франкфурте в 1963–1965 гг., он не привлек широкого внимания журналистов и немецкого общества, оказавшись во

---

¹ Mailaender E. Ibid. P. 14.

многим неизвестным широкой публике¹. И это при том, что суд над 16 подсудимыми шел 6 лет, были привлечены 340 свидетелей, включая 215 бывших узников Майданека. Общим для обоих процессов стало нежелание немецкого правосудия слишком глубоко прорабатывать прошлое. В юридической плоскости это было связано с тем, каким образом устанавливалась вина. С 1950-х гг. суды ФРГ опирались на «субъективную теорию», требовавшую доказать умысел при совершении преступного действия. В противном случае подозреваемый квалифицировался как соучастник. Ссылки на приказы начальства, непреодолимые обстоятельства (включая угрозу карьере!) и даже слабость характера позволяли реальным убийцам отделяться незначительными сроками². Так произошло и в Дюссельдорфе. Наиболее известной фигурой стала Г. Браунштайнер. После войны она вернулась в Австрию. Была арестована. В 1946–1950-е гг. находилась в заключении за службу в Равенсбрюке. Затем амнистирована. В 1958 г. вышла замуж за механика американских военно-воздушных сил и с ним переехала в США. Здесь бывшая надзирательница взяла фамилию Райн и получила гражданство в 1963 г. Однако уже на следующий год публичную кампанию по ее поиску начал охотник за нацистами С. Визенталь. Общественникам удалось добиться лишения ее гражданства и экстрадиции в Германию в 1973 г. Она оказалась единственным нацистским преступником в 1945–1978 гг., которого выслали из США за подложные документы, т.е. сокрытие участия в преступлениях нацистов³. Из 16 подсудимых «Третьего процесса» лишь Г. Браунштайнер была приговорена к пожизненному заключению, еще одна бывшая надзирательница умерла во время следствия, надзирательницу Х. Лэхерт осудили на 12 лет, Г. Хакмана — на 10 лет, еще 5 человек приговорили к срокам от 3 до 8 лет, а 7 человек отпустили.

---

¹ См.: Wolfgram M. Didactic war crimes trials and external legal culture: the cases of the Nuremberg, Frankfurt Auschwitz, and Majdanek trials in West Germany // *Global Change, Peace & Security*. 2014. Vol. 26. No. 3. P. 281–297.

² Леви Г. Указ. соч. 194–241.

³ Bazyler M. *Holocaust, Genocide, and the Law. A Quest for Justice in a Post-Holocaust World*. Oxford, 2016. P. 146.

Содержание

ОТ РЕДАКТОРОВ	3
----------------------------	---

ПАХАЛЮК К.А.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ ЛЮБЛИН (МАЙДАНЕК): КРАТКАЯ ИСТОРИЯ	7
---	---

ВОСПОМИНАНИЯ

ЛЕНАРД ДИОНИС

ПОБЕГ ИЗ МАЙДАНЕКА	89
--------------------------	----

БАРУТЧЕВ СУРЕН КОНСТАНТИНОВИЧ

МАЙДАНЕК (ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОПЛЕННОГО ВРАЧА)	126
--	-----

ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗЛОДЕЯНИЙ НА МАЙДАНЕКЕ В ГОРОДЕ ЛЮБЛИН . . .	299
КОММЮНИКЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЦЕВ, СОВЕРШЕННЫХ В ЛАГЕРЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НА МАЙДАНЕКЕ В ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ	395

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ЛУКАШЕВИЧ ЗИНОВИЙ

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ И ЛАГЕРЬ СМЕРТИ МАЙДАНЕК.	423
ИСТОРИЯ ЛАГЕРЯ.	425
ОПИСАНИЕ ЛАГЕРЯ	431
ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЯ	433
УСЛОВИЯ ЖИЗНИ В ЛАГЕРЕ	438
КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ ЛАГЕРЯ	446
ДОКУМЕНТЫ.	452
СВИДЕТЕЛЬСТВА БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЁННЫХ ЛАГЕРЯ	456
ФРАГМЕНТЫ ПОКАЗАНИЙ ЛАГЕРНОЙ КОМАНДЫ	462

МАЙДАНЕК В КУЛЬТУРЕ

ЖИГУН Р.Е.

ДВА ФИЛЬМА О МАЙДАНЕКЕ	471
------------------------------	-----